

АЗБУКА ВЕРЫ

проф. А. Зубов

История религий

История религий

проф. А. Зубов

профессор Андрей Зубов

Лекция [1](#) [2](#) [3](#)

Лекция 1.

Для всех нас возможность встречаться друг с другом – это одна из главных религиозных, а не только чисто бытийных и человеческих задач. Поэтому встречаться важно не только для решения бытовых задач, но и религиозных. Почему?

Дело в том, что человек всегда (с тех пор, как только стал человеком) страдает от двух страшных врагов. Они совершенно реальны. Он стоит перед ними лицом к лицу. Он с ними живет. Какие же это два врага?

Один враг – это наша конечность, наша смерть. Каждый из нас абсолютно точно знает (я думаю, не сомневаясь ни на йоту), что его земное пребывание, его жизнь когда-то прекратится, закончится. С тех пор как человек живет на земле, он несет в себе это знание. И с этим знанием соединяется иное знание, совершенно безумное, совершенно невероятное, и в тоже время такое же общее. Вы могли бы не знать ничего ни о какой религии, не знать ничего о Боге, но когда вы ребенка спросите о том, будет ли он жить вечно, то маленький ребенок, не сомневаясь, скажет: «Да». Он не знает смерти, и душа каждого из нас тоже не знает смерти. Душа каждого из нас в глубине говорит, что мы бессмертны, а реальный опыт жизни убеждает каждого из нас в том, что мы смертны. Это первое раздвоение, первая очень большая трагедия человека.

Второе раздвоение, вторая трагедия, преодолением которой отчасти мы занимаемся сейчас с Вами здесь, это трагедия человеческой отчужденности. О ней меньше говорят. Она менее наглядна, но, в сущности, она также совершенно на виду.

Что такое отчужденность? Этим мудреным словом называется очень простое явление. Каждый из нас в глубине души ощущает себя таким же, как и все другие: «Любой человек подобен мне». Из-за этого мы можем говорить друг с другом, встречаться друг с другом, можем вступать в брак, рождать детей. Из-за того что мы одно, мы единое. Однако в то же время всю свою жизнь, начиная с огорчений детства, каждый человек знает, что и “враги человеку ближние его”, что среди самых близких людей: среди друзей, сослуживцев, родственников, даже очень часто в семье, с женой, мужем, детьми, человек чувствует себя бесконечно одиноким. Общего языка нет. Мы всегда считаем, что это какой-то нонсенс, какая-то ошибка. Но этот нонсенс характерен для всего человечества, и эта ошибка проявляется не только в личных отношениях: наши войны, конфликты, взаимная ненависть, миллионы людей, погибших или от социальной вражды или от вражды политической, или от межнациональных конфликтов за историю человечества, говорят нам, что люди действительно враги друг другу. И в то же время мы в глубине души знаем, что каждый человек подобен нам, и мы все – некоторое единство. Мы стремимся к любви и не получаем любви. И это второй огромный опыт – опыт нашей отчужденности от другого при ощущении нашего единства. Это тот опыт, который мы с вами будем пытаться преодолеть. Это тот опыт, который мы должны вообще пытаться преодолевать. Когда вы зовете соседку, говорите ей: “Пойдем вместе выпьем чаю”, вы можете говорить о самых простых вещах: о том, что было по телевизору; о том, что написано в газетах – это не столь важно, самое главное, то общение душ, которое при этом происходит. Это общение душ значительно важнее тем. Один из крупнейших русских современных философов, с которым мне в юности пришлось общаться, как-то сказал: «Давайте собираться и просто пить чай. Не надо при этом выдумывать невероятных тем для разговоров. Если они придут, то придут сами. Самое главное – общение».

Эти две задачи – задача преодоления смерти и преодоления отчужденности – не вчера появились и не позавчера, и не тысячу лет назад. С ними всегда существует человек, с того момента, когда человек ощутил себя “хомо сапиенс”, то есть, человеком мыслящим. То, как это произошло, является великой тайной, потому что

библейский рассказ дает нам только канву, стержень, заключающийся в том, что человек сотворен не просто из земли, как животное, он сотворен по образу и подобию Божию. “Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему”, – говорится в книге Бытия. И в этом согласны все религиозные традиции мира, что человек несет в себе нечто Божественное. Так вот, с тех пор как человек осознал себя человеком, перед ним встали две эти великие, страшные и значительные проблемы. **Собственно говоря, преодоление их и есть религия.**

Многие из вас, я уверен, знают происхождение слова религия. Слово религия латинского происхождения и восходит к отглагольному прилагательному “лиго” – соединяющий, соединять, “ре” – возвратная частица – воссоединение. Воссоединение чего? Воссоединение человека и Бога, связи между человеком и Богом. А зачем человеку воссоединение этой связи, и вообще, зачем человеку Бог?

Вот многие говорят: «Нас учили в школе, что вообще люди довольно поздно создали себе религию». Марксизм учил, что религия – это продукт ощущения нашей беспомощности перед силами природы. И отчасти он был прав, мы действительно беспомощны, но только не перед дождями и извержениями вулканов, не перед холодами и жарой. От этого у человека средства находятся. Мы на самом деле беспомощны (точно так же беспомощны, как в первый день, когда первый человек ступил на эту землю), в том, что касается нашей отчужденности друг от друга и нашей конечности. Мы ни на минуту не приблизились к решению этой задачи. Потому что, по-видимому, своими человеческими силами, мы приблизиться к ней не сможем. И именно поэтому человек ищет связи с тем, что имеет власть над смертью и разделенностью. Это то, что имеет власть над смертью и разделенностью; это то, что находится по ту сторону смерти и разделенности; то, что бессмертно и целостно, а это бессмертное и целостное – то, что создало этот мир, потому что древний человек, равно как и мы с вами, если разумны, прекрасно знал, что всегда есть причина любой вещи, и никогда в этом не сомневался. С тех пор как человек стал существом думающим, он прекрасно это понял, а до этого, видимо, пока у него не было интеллекта, он и не нуждался в таком понимании. Но как только возник интеллект, человек осознал, что не только у животного есть причина – его родители; не только у рубила есть причина – мастер, который его сделал; не только у рисунка есть причина – художник, который его нарисовал, но и у всего мира есть причина, и эта причина – Тот, кто создал мир, и с Ним связывается упование человека на бессмертие и целостность. Так возникает религия.

И теперь мы зададимся вопросом: когда? Когда это произошло? Точно ответить на этот вопрос современная наука не может. Но то, что мы можем сказать, значительно.

Человек, к сожалению, стал писать очень поздно, а религия относится к той сфере человеческой деятельности, которая называется духовной деятельностью, но духовная деятельность для нас теряется, если она не отражена в каких-то конкретных

памятниках. Чтобы понять, каков был духовный мир, например, древнего грека, мы должны открыть Гомера, Гесиода. А что мы откроем, чтобы понять, каким был духовный мир древнего, доисторического человека? Он не писал и даже в глубокой древности не рисовал, потому что живопись появилась, по данным научной палеоантропологии – науки о древнем человеке – где-то 35 тыс. лет назад, а человек существует намного дольше. Как же мы можем понять духовный мир древнего человека? Для нас это важно потому, что только тогда мы можем сказать: присуща ли имманентно религия человеку или нет?

Кстати сказать, наше слово “вера” – это ведь тоже слово очень похожее на слово религия. Мы иногда не задумываемся об этимологии, то есть, о внутреннем смысле слова “вера”, а оно восходит на самом деле к древнему индоевропейскому слову “варатра”, а это не что иное, как веревка, канат. Это то, что связывает человека с Богом. Отсюда происхождение слова «вера» в нашем русском языке.

Итак, каким же образом мы можем понять духовный мир самого древнего доисторического человека? Для этого у нас остались скуднейшие памятники – очень мало материальных остатков, которые являются лишь отпечатками, лишь частичками былого духовного мира. Но считать, что если у нас мало этих отпечатков и остатков, то духовный мир древнего человека был примитивен, нет никаких оснований. Мы знаем то, что древний человек технологично был примитивен, что его орудия труда были примитивны, но кто и когда сказал, что духовный мир человека и его техническая оснащенность – это то, что идет рука об руку; кто доказал это? И тут возникает следующий вопрос.

Мы с вами привыкли жить в более или менее удобно устроенном нами и нашими отцами мире. Мы даже не замечаем, сколь искусственную мы среду сделали: что мы живем в домах, одеты в одежду, пользуемся многочисленными орудиями. Это все искусственный мир, который создали мы сами. Для чего? Для того, чтобы отгородиться от мира естественного. Но мы единственные во всем пространстве мира, создающие этот искусственный мир. Если бы человек был таким же животным, как остальные животные, тогда

бы он шел обычным путем: он сам бы приспособливался к миру, как приспособливаются животные. А человек, напротив, приспособливает мир под себя. Почему? Никто, пользуясь только научными или философско-научными данными, не смог объяснить этот удивительный факт. Почему мы единственные создаем искусственный мир обитания? И на самом деле, нас всех в школе учат, что труд создал из обезьяны человека. Однако вы не думали при этом: а что такое труд? Ведь труд как раз есть то самое, что делает искусственную среду. Труд – это то самое, что преобразует мир. Не труд, если угодно, сделал из обезьяны человека, а нечто в человеке заставило его трудиться. Самое важное, самое интересное: что именно заставило человека трудиться и преобразовывать мир? Самое примитивное первое орудие какого-нибудь австралопитека – южной обезьяны, которое по современным палеоантропологическим датировкам относится к периоду около 2,5 млн. лет назад, оказывается намного ближе к нашим современным сложнейшим компьютерным системам, чем к животному миру, потому что это каменное орудие есть средство преобразования мира, и только для этого оно сделано. Человек создал искусственное орудие, что бы где-то как-то создать искусственную среду. Потом появляется использование огня, потом появляются искусственные жилища, и так пошло до сегодняшнего дня. Если любое животное все более и более приспособливается к среде, то мы с вами все менее и менее приспособлены к среде. Если каждого из нас без этой удобной цивилизованной оболочки, голенького, вот сейчас поселить куда-нибудь в Уральскую тайгу, то долго он там не просуществует, а животное прекрасно просуществует и спасибо скажет, что вы его отпустили.

Так что же побудило человека пойти совершенно иным путем?

И вот здесь начинается первая загадка религиозного характера. Возникает такое ощущение, что человек этот мир воспринял не как свой родной мир, а как чужой, от которого он должен отделить себя.

И понять это мы можем, только если вспомним, что человек попал в этот земной мир в результате какой-то великой катастрофы, которую христианская традиция именуется грехопадением. Человек был изгнан в этот мир и “проклята была земля за человека”. И оказавшись в этом проклятом мире, человек с самого первого дня и самого первого

момента своего бытования в нем, еще не умея ничего делать, потому что у него еще не было навыка жить в этих тяжелых “кожаных ризах”, преобразует этот мир, меняет его, и чем дальше, тем больше.

Перед человеком, в сущности, стоят две проблемы:

а) приспособление мира к нему, к человеку и б) возвращение души к Богу.

Эти два пути не противоположны. Как существо естественное, человек должен жить в мире, и все мы в нем живем, но как существо духовное, он должен решить свою проблему отторгнутости, отчужденности от своего Творца. Он должен воссоединить себя с Богом. И мы с глубочайшей древности замечаем, как человек движется по этим двум путям.

Причем представим себе на минуту (я в это глубоко верю, но никому не навязываю своих взглядов), что Библейская идея грехопадения человека верна. Что мы будем из этого иметь в чисто научном плане? Человек ниспавший, изгнанный на землю, сохраняет память о Рае, а это, безусловно, сохраняет духовное знание Бога, пусть и искаженное грехом, и в этом смысле он остается еще духовно, сердечно совершенным существом. А вот его способность жить и организовывать свою жизнь в этом новом для него мире, равна нулю. Что происходит впоследствии? Впоследствии происходит все большее и большее (ну и как у нас с вами бывает) овладение внешним миром, но при этом сохранение или падение некоторого духовного запаса, того духовного знания, которое у человека было до момента изгнания из Рая. Таким образом, мы можем сказать, что человек существует как бы в двух планах: как физическое существо, как существо, обращенное к внешнему миру, человек развивается; как духовное существо, как существо, обращенное внутрь себя, человек пребывает – не развивается, а пребывает. А теперь посмотрим, наш вывод, соответствует ли он реальному опыту, реальным фактам?

Вы знаете, когда я был еще школьником и вовсе не был верующим человеком, я очень часто задавался таким вопросом: с одной стороны вроде бы цивилизация развивается; я ясно вижу, что в XIX веке люди не катались на автомобилях, а в XV – XVI веках не знали огнестрельного оружия; теперь мы все это знаем, но с другой стороны, я прекрасно вижу, что, например, памятники литературы

Древней Греции, в частности поэмы Гомера, с художественной точки зрения совершенны, и ничего лучшего мы не написали. И в XX веке даже лучшие наши поэты учатся у античных авторов, а не превосходят их. Точно так же обстоит дело в области философии: какой-нибудь Платон – это вершина философского знания. Можно, конечно, пойти каким-то другим путем, можно предлагать какие-то другие философские идеи, но у Платона налицо совершенный уровень работы мысли, и выше этого уровня человек не поднялся ни с Гегелем, ни с Кантом, ни тем более с К. Марксом. Мы знаем также массу других подобных примеров. Возьмите, например, какие-нибудь греческие статуи – совершенная скульптура, или архитектуру, которая до сих пор не вышла из тех правил художественных законов, в которых существовала она и во времена греков и, в сущности, до них, например, когда строились храмы Египта. Совершенное художественное творчество существовало, наверное, очень давно, а совершенное приспособление среды под человека – это постоянно развивающийся процесс. Более того, когда в конце XIX века люди открыли живопись каменного века, верхнепалеолитическую живопись, то она тоже оказалась совершенной. Там в основном изображали животных. Так вот, оказалось, что изображение животных художником верхнего палеолита превосходит по своим художественным качествам, то, что может сделать современный художник-анималист. Это совершенное изображение.

Итак, факты подтверждают, что человек существует в двух планах: как духовное существо он совершенен, он может естественно деградировать, падать, опускаться, но в своих высочайших подъемах он не развивается. И поэтому Гомер, Пушкин, Пастернак, Шекспир – это один уровень, никакого прогресса здесь нет, а вот в плане внешнем человек развивается. Он все лучше и лучше осваивает среду.

Но наша с вами будет большая беда, если мы внешнее развитие, приспособление среды под человека будем считать всем бытованием человека, всей его сущностью. Тогда мы ничего не поймем. Тогда мы будем считать, что наш духовный мир сейчас несравненно богаче, предположим, древнего египтянина или древнего грека, да и первых христиан, а это явно не так.

Религия относится к области духовной культуры, и поэтому, если наше предположение, которое мы высказали, верно, то мы должны предположить, что основные религиозные формы, найденные человеком, пусть внешне и примитивно выраженные, потому что человек тогда еще не умел строить храмов и писать книги, внутренне будут очень глубокими.

И вот теперь давайте посмотрим, какие же формы первыми встречаются нас в мире религии? Об этом можно говорить очень много. Я попробую рассказать буквально о нескольких фактах современного, передового, плана науки в области изучения религии древнего человека.

Думаю, сам факт того, что человек стал осваивать окружающий мир, – это уже религиозный факт: не потому человек стал человеком и “сапиенс”, и мудрым, что он взял орудие, а он взял орудия, потому что был мудрым. И это очень легко понять. Дело в том, что орудие ведь надо сделать и надо потом научить своего сына, для этого нужен какой-то план, какая-то идея. Таким образом, человек сначала имел идею, а потом ее реализовал; обратного не бывает. Попробуйте без всякой идеи что-то начать стучать и делать бессмысленно, у вас, поверьте, даже каменного рубила не получится, не говоря уже о более совершенных орудиях. Поэтому сначала должен быть любой технический замысел, потом реализация. Поэтому сначала должен быть интеллект, потом уже орудие. Итак, не труд сделал обезьяну человеком, а интеллект сделал мир орудий. Человек сначала был существом мыслящим, потом уже стал производителем орудий, а не наоборот. Это первая позиция.

Но наши данные об австралопитеке настолько скудны, что мы почти ничего не можем сказать о нем в плане его духовной жизни.

Пожалуй, первое открытие, которое нам позволяет сделать хотя бы какие-то первые намеки о том, что человек жил религиозной жизнью, причем не простой, – это находка синантропа, китайского человека, примерно относящаяся сейчас учеными к 500 тыс. лет назад, когда жили эти существа. Находки сделаны были в 1928-1929 годах в Китае, китайским ученым Пей Вен Джуном. То существо, которое сейчас называют синантропом, в то время называли питекантропом, обезьяночеловеком, потому что тогда ученые искали так называемое

потерянное звено, т.е. пропущенное звено между обезьяной и человеком. В конце XVIII века появилась идея о том, что человек произошел от обезьяны. Но вся беда в том, что действительно время от времени, находя ископаемого человека, ученые говорили: «Вот это переходная форма, в которой число признаков обезьяны и человека равно». Проходило немного времени, и ученые признавали: «Да, это, бесспорно, не современный человек. Да, его физический облик, его анатомическое строение несколько иное, объем мозга другой, но это не обезьяна, это человек; это другой, но человек». И вот таким другим, но человеком, был синантроп. Объем его мозга меньше, чем у современного человека. У современного человека объем мозга – около 1600 куб. см, у синантропа – где-то 850 – 900 куб. см. Он был мал ростом: приблизительно 1,5 м. Но мы мало что можем сказать о нем, потому что все эти рисунки мохнатых и ужасных людей, которые встречаются в наших школьных учебниках, бесконечно далеки от действительности. Понятно, что ни кожи, ни шерсти не сохранилось, и были ли эти люди такими или другими внешне, мы просто не знаем. Вот, что касается объема мозга, что касается роста, что касается несколько сутулого положения тела, это да: был надбровный валик, был затылочный гребень – все это было. Но как сказал крупнейший современный специалист в области доисторических религий, швейцарский и немецкий ученый Карл Нард: «Никто еще не сказал, какой нужен объем мозга, чтобы знать Бога и любить Его». И это очень глубокие слова.

Итак, когда профессор Пей Вен Джун открыл пещеры в 50 км от Пекина, где он обнаружил остатки вот этих древних ископаемых людей. Это было очень интересное открытие, потому что в этих пещерах находился толстый, до 1,5 м слой золы. Совершенно ясно, что эти люди использовали огонь. До этого думали, что огонь люди долго не знали, что огонь – это позднее изобретение человека. Профессор Пей Вен Джун доказал, что 500 тыс. лет назад люди активно пользовались огнем: жарили на нем пищу, обогревали им свои пещеры. Забегая вперед, должен вам сказать, что теперь мы твердо знаем, что человек пользовался огнем еще более 1 млн. лет назад, а одно из кострищ, остатков костра, найденное в Африке, датировано сейчас 2,5 млн. лет назад. Не исключено, что знание огня имманентно человеку, что оно очень и очень древнее. С тех пор как

человек стал человеком, он знал, что такое огонь, и умел пользоваться им. По крайней мере, это очень древнее знание. А уж ко времени синантропа люди владели огнем весьма хорошо. А ведь что такое огонь?

Все животные боятся огня, все дикие звери бегут от огня, а человек почему-то наоборот, научился его использовать, покорил огонь. Огонь – это не только техническое средство, не только средство для обогрева пещеры; огонь – это удивительное вещество, удивительная субстанция. Если древний человек имел веру в Бога, то совершенно естественно он думал, считал и был совершенно прав, что Бог бесконечно совершенней человека, бесконечно далек от того грязного мира, мира греха и несовершенства, в который погружен человек. Бог – это Небо, человек – это земля. И мы знаем, что эти традиции сохранились до сих пор. И мы очень часто говорим о небесном и земном. Когда мы говорим о небесных обителях у Бога, то, разумеется, мы прекрасно знаем, что это не какие-то там облачка. Небо – это символ, это образ; и если человеку надо было сказать, что между ним и его Творцом бездна, то лучшего образа как расстояние от неба до земли он не мог себе придумать, не мог представить. Видимо, этот образ он и имел. По крайней мере, как только человек начинает говорить понятно для нас, символика неба становится символикой Бога. Я подчеркиваю, что это не то же самое, что наше физическое небо. Поэтому, когда наши присяжные атеисты говорили, что вот Гагарин полетел в космос и никого там не нашел, то, разумеется, вы сами понимаете, какова цена этим заявлениям. Он там никого и не мог бы найти. Бог на самом деле не в физическом мире удален от человека, наоборот, как раз по физике, по естеству Бог бесконечно близок к человеку. “Царство Божие внутри вас”, – говорит Евангелие, а у мусульман в Коране есть вообще великолепная фраза, где Бог говорит: “Я ближе к тебе, чем твоя яремная вена”, то есть, та жила, по которой питается мозг кровью. Но в области духовной между Богом и человеком бездна. Какая бездна? Бездна нашего греха. И если человек действительно имел опыт греха и имел знание своей падшести, то, конечно же, этот образ Неба и земли был естественным для него. Земля, по которой мы ходим ногами, и небо, которое сияет над нами, дарит нам свет и тепло, но не достижимо нами. И вот огонь – это единственная из всех субстанция, которая преодолевает эту недостижимость. Все предметы падают на землю; все органические вещества,

разлагаясь, превращаются в землю, а огонь один от земли поднимается к небу. Над ним как бы не властна сила этого греха, сила земли. Поэтому огонь вполне мог стать и стал (вы знаете обо всех этих обычаях огненных жертв, всесожжении и т. д.) и стал у всех народов средством передачи жертвы с земли на небо. Впоследствии в традиции Индии, в Ведах, огонь так и будет называться “Кравья вахана” – “переносчик жертвы” с земли на Небо. И поэтому открытие и использование огня – это тоже не чистая физика, это еще и явно некоторое духовное дело, некоторый духовный опыт. Но этого мало. Когда профессор Пей Вен Джун открыл эти пещеры, он обнаружил в золе очагов человеческие кости. Конечно, тут же большие любители решить, что древний человек вообще был хуже обезьяны, сказали: «Ну, разумеется, они были людоедами. Понятно, что они поедали друг друга, ели и животных, и людей – все, что попадет под руку».

То ли из китайского патриотизма, поскольку были найдены останки людей, живших на этой земле, то ли по каким-то иным, более глубоким причинам (я думаю, что по более глубоким), но профессор Пей Вен Джун не согласился с этой точкой зрения, которую высказал его научный руководитель, шведский ученый Бирген, и стал собирать факты, опровергающие идею людоедства. Факты эти лежали на поверхности. В золе были найдены отнюдь не какие-то там кости человека, никаких мелких костей найдено не было, но были найдены верхи черепных коробок, то есть верхняя часть черепа. Не мог же древний человек поедать кожу с головы и больше ничего. Самое вкусное находится на других местах. Поэтому не с людоедством это связано, а с чем-то другим. С чем? И профессор Пей Вен Джун предполагает, что речь идет о каком-то древнем обычае захоронения, древнем обычае культа умерших. Очень может быть, что синантроп хоронил своих умерших, а головы их, после распада мягких тканей, хранил в пещерах, чтобы умершие предки и живые были рядом. Вполне возможно также, что он предавал огню головы умерших, чтобы личность человека (а голова связана с личностью, неслучайно существует культ черепа, а не всего тела) была перенесена силой огня в небесный, божественный мир. Как бы там ни было, дальнейшие исследования скорее подтверждают, нежели опровергают это предположение. И находки Пей Вен Джуна, - это, пожалуй первое свидетельство того, что человек древнейший (не "хомо сапиенс", а человек, которого называют "хомо эректус" - "человек прямоходящий", а раньше называли питекантропом) имел какую-то религиозную интенцию, религиозное желание. Чуть позже в истории мы уже будем знать это наверняка, и вот это чуть позже тоже для истории и науки имеет очень интересное открытие.

Речь идет о захоронениях другого неандертальца: не "хомо сапиенс", а "хомо неандерталес", то есть, иначе говоря, неандертальца. Вы помните, что неандерталец был открыт в 1856 году. Тогда один немецкий учитель, гуляя по долине Неандертал, недалеко от реки Рейна, вдруг встретил двух мальчишек из своей школы, которые ему сказали: "Господин учитель, тут в меловом карьере рабочие нашли какие-то старинные кости, а мы знаем, что вы этим интересуетесь". Немец - человек дотошный, любопытный, естественно, он тут же побежал в этот карьер. И точно, там были человеческие кости. Этот

немец (учитель) был большой либерал, противник церкви. А в то время как раз все искали это потерянное звено. Доказать, что человек произошел от обезьяны, было очень важно для борцов с религией, потому что ясно: если человек произошел от обезьяны, какой же он образ Божий? Следовательно, это промежуточное звено между обезьяной и человеком, казалось бы, ставило крест на библейской картине мира. Поэтому этот учитель с удовольствием взял эти кости (это действительно были кости ископаемого человека) и тут же сообщил об этом своему другу, профессору сравнительной антропологии в г. Бонн. Тот приехал, осмотрел. Все ясно. На следующий год в Бонне на докладе анатомов Германии делается сообщение, о том, что найден "гомо неандерталес" - переходное звено от обезьяны к человеку. Верующие ученые были крайне смущены. Для них это было тоже доказательством того, что библейская картина мира неверна. Я рассказываю это потому, что вы сейчас увидите, как на самом деле сложно соединяется с верой научное знание. Простых способов соединения здесь нет, и эта история одна из самых поучительных в этом отношении. Итак, они были смущены и говорили что угодно: что этого не может быть, что это не человек, что это фальсификация, что вообще это недавно умерший человек. Один ученый даже сказал, что на самом деле это кости русского казака, который во время наполеоновских войн напился и пьяным свалился со скалы, вот из-за этого и оказался в пещере. Вы помните, что наполеоновские войны прошли за 30 лет до этого и у всех были на слуху, и казаки в Европе были всеобщим ужасом. Понятно, что казак не может быть похож на обычного человека. Он явно какой-то немножко другой. Эта теория не восторжествовала, но сторонники того, что все это ошибка, и на самом деле это никакой не древний человек, предложили дать эти кости на экспертизу крупнейшему специалисту в области патологоанатомии, берлинскому профессору Рудольфу Вирхову, зная, что он не только крупный специалист, но и благочестивый лютеранин. Профессор Рудольф Вирхов тщательнейшим образом лет десять исследовал эти кости, как только немец может исследовать, и в итоге, конечно, его религиозная совесть победила, и он на докладе в Берлине в 1878 году сообщил, что находка принадлежит примерно Римскому времени, то есть в этих останках произошло замещение

обычных тканей кальцитами. Это происходит очень медленно, и ни о каком человеке периода наполеоновских войн тут речи быть не может. Значит, это древний человек, но периода Древнего Рима, скелету где-то 2-2,5 тыс. лет. Это обычный человек, который с детства был болен рахитом, а в старости еще страдал подагрой, и поэтому его, бедного, всего так перекорежило. Рудольф Вирхов был такой авторитет, что все, конечно, замолчали. Сторонники обезьяночеловека были пристыжены. Но не надолго.

Проходит 7 лет после этого доклада, и во французском местечке Спи находят несколько подобных же стариков и старух больных рахитовой подагрой. Здесь явно что-то не то. И более того, рядом с ними находят каменные орудия и кости давно вымерших в Европе животных, ну, скажем, мамонта. О Римском времени речи быть не может. Торжествуют, естественно, сторонники обезьяночеловека. Другие смущены. Разрешение этой истории приходит немного позже.

В 1908 году опять же немец, но работавший во Франции, Отто Гаузер, находит захоронение неандертальца. Это захоронение около местечка Ле Мустье становится революцией в науке. До этого неандертальцев изображали этаким мохнатым, гигантским обезьяной с дикой мордой и с дубинкой в руке. Понятно, о какой религии может быть речь у такого существа. Со времен Энгельса нам внушают, что древние люди не знали семьи, жили первобытным стадом, людоедством грешили, никакой религии и в помине у них не было. Что касается стада и так называемого промискуитета (беспорядочных отношений полов), то надо вам сказать, что даже высшие обезьяны (гориллы и шимпанзе) никаким стадом не живут, никакого беспорядочного отношения полов у них нет. Изучение высших приматов совершенно ясно доказало, что уже у них существует так называемая гаремная семья, то есть самец, у которого несколько жен-самок и детеныши. Почему человек должен быть значительно хуже, чем обезьяны, более примитивным в этом отношении – это уж совсем непонятно. Тем более что археологи совершенно точно установили, что древние люди жили небольшими группами по 10-12 человек. По всей видимости, эти были также гаремные семьи. Но что касается захоронения, то здесь поднялась буря. Ведь вы же догадываетесь, что захоронения так просто не бывают. Это мы с вами

привыкли к тому, что просто человек умер (независимо от того, верующий человек или неверующий), и его надо похоронить и предать земле. А когда этот обычай появлялся, в нем был какой-то смысл, какая-то логика. Мы-то сейчас все делаем как? Мы сейчас говорим: так надо. Вот человек умер, мы зеркала в доме повесим – так надо. Человек умер, его на кладбище снесли, похоронили, вернулись домой, все вымыли руки – так надо. Но мы не знаем, почему так надо. А когда впервые возник обычай мытья рук или завешивания зеркал, тогда ведь, наверное, знали, почему так надо, иначе бы не стали завешивать зеркала и мыть руки. Так же и когда первый раз решили похоронить человека в земле, наверное, тоже знали, почему это надо сделать. А просто сейчас мы позабыли, как это делать, и говорим: так надо.

Каким же было это первое захоронение? И почему было так надо? Долгое время марксистские ученые пытались доказать, что это было чисто гигиеническое дело. В самом деле, в учебнике для вузов издательства Московского университета описывается первое захоронение неандертальцев. До этого люди уже жили сотни тысяч лет и имели огромный опыт сознательного бытия, но это все забыто. Неандертальца считают полным идиотом. И описывается приблизительно следующее. Вот жила группа неандертальцев в пещере. И вот один раз, когда они собрались на охоту, они увидели, что неандерталец Ваня не встает вместе со всеми остальными неандертальцами. Они его толкнули в бок, пошевелили, дернули за волосы, а он, бедолага, лежит и лежит, потом остыл совсем и холодненький стал. Развели около него костер, а он все равно не встает. Ну, тогда решили, пусть себе спит, а он на третий день и завонял. Тогда его забросали ветками. А он все равно не встает и воняет, тогда его решили закопать. Так возникли захоронения.

А теперь я вам расскажу, что нашел Отто Гаузер и сколь нечистоплотна бывает иногда идеологически ориентированная наука, когда она в вузовском учебнике позволяет писать такую глупость. Найдено было следующее. Отто Гаузер, кстати, был очень аккуратным человеком, и когда это захоронение было обнаружено рабочими, а это было дождливым вечером, он не поленился прийти к этому месту под дождем, увидел все и запретил делать раскопки. Тут

же послал телеграммы коллегам по всему миру, чтобы они приехали, и вместе с ним при свидетелях провели раскопки. Настолько важным было то, что, с его точки зрения, он обнаружил. На 70 телеграмм откликнулись всего два любопытных немца. Тем не менее, было три ученых, была киносъемка. Этого было достаточно, чтобы зафиксировать то, что нашли. Нашли следующее. В неглубокой, специально вырытой четырехугольной могиле, глубиной примерно сантиметров 40, что, кстати, ясно говорит о том, что никакой изоляции от внешнего мира не было, и трупный запах явно ощущался на поверхности, поэтому ни о каком гигиеническом захоронении и речи быть не может. Там, где был похоронен этот человек (это был юноша из Ле Мустье, 16-17 лет), никогда не жили неандертальцы, это было именно захоронение.

Итак, юноша был положен на правый бок, его колени были слегка согнуты, его телу была придана поза сна: его правая рука лежала под головой и на каменной подушке, как спит человек. Ясно, что человек там оказался не случайно, не в результате падения его в яму во время сна. Ясно, что человек умер, потом выкопали яму и туда положили тело, которому специально придали позу сна. Почему поза сна? Конечно, это все символически. Когда человек спит, он вроде бы на время умирает, но потом просыпается и опять живет; вроде бы сознание отлетает, а потом приходит в него. И явно древний человек хотел показать: ты умер, но ты спишь; ты проснешься, ты встанешь; твоё состояние – это временное состояние. Окружающие прекрасно понимали, что он тленен, что его тело разложится, превратится в скелет. Все это они прекрасно знали, не глупее нас с вами были, но они хотели этим показать, что когда-то наступит момент, когда он проснется или, как мы любим говорить, он воскреснет.

На Переднем Востоке сейчас найдено 90 захоронений неандертальцев. На горе Кармел (гора, упоминающаяся в Библии) найдены захоронения неандертальцев в эмбриональной позе. Это уже не поза сна, а поза эмбриона в животе матери, когда колени резко подогнуты до подбородка, голова

склонена вперед, пятки касаются ягодиц. Образ тоже совершенно понятен. Кстати, могила овальной формы, напоминающей матку. Это образ смерти, как нового рождения. Ты умер, ты вошел в утробу земли, и ты должен родиться вновь, как рождается ребенок из утробы матери. Идея того, что ты должен вновь родиться – это первая идея, связанная с захоронением, мы иногда даже не думаем: почему

хоронят в земле; мы даже не задумываемся: почему кладут тело в землю, хотя человек церковный это знает. Во время отпевания говорится: “Земля ты еси, и в землю отъидеши”. Мы все прекрасно знаем, что созданы из земли. Как бы не были хороши наши тела, как бы не были они красивы, на самом деле, как вы понимаете, это есть не что иное, как земля и прах. И это не потому, что так надо думать, а потому, что мы созданы из земли совершенно естественным образом. Все, что мы едим, – это ведь тоже земля. Итак, мы состоим из земли естественным образом. Да, мы любим полакомиться вкусной колбаской и вкусным сыром. Но не надо заблуждаться на этот счет. И сыр, и колбаска произошли из земли, и вполне понятно, как. В землю попадает зернышко, из которого потом вырастает колос, а то и целое дерево. Откуда все это взялось? Из земли. Зернышко является лишь дрожжами, преобразующими почву, прах превращается в растение, растение поедается животным, коровкой. Да и коровка растет из зародыша, из чрева матери, а потом превращается в здорового быка, потому что ест травку. А травка – из земли, из тех же семян, соответственно, трава – тоже переработанная земля. И травка, и коровка, и молочко – переработанная земля. Эта земля потом, конечно же, отходит в прах.

Впоследствии у человека появится образ груди земли, молока земли, которым питается все живое. И богиня смерти, земли, погребения и возрождения обязательно будет изображаться с четко подчеркнутой грудью, которой она как бы кормит умершего. Этот образ несколько позже появится у человека и будет долго сохраняться в человеческой культуре. Мы все питаемся молоком земли под разным видом, и все потом входим в ее утробу после смерти. Могила – это не что иное, как утроба земли. Некоторые языки даже сохранили близость этих понятий. Например, те, кто знает английский язык, могут вспомнить, что по-английски слово утроба материнская – это “вомб”, а могила – это “томб”. Это слова очень близкие по значению. И это далеко не только в английском языке.

Мы называем землю “мать сыра земля”. Почему? Да потому, что она наша мать, мы из нее рождены и в нее входим. Отсюда тайна могилы. И когда древний человек не без труда, поверьте, у него не было экскаватора и даже лопаты со стальным наконечником, копал для

своего умершего гробовую яму, он имел в виду явно совершенно четко тот образ, о котором я вам рассказал. Но этим все не заканчивается. Это не только та утроба, в которой спит или покоится, как зародыш, умерший. Рядом с этим юношей в могиле лежали обожженные кости животного (на самом деле были положены куски мяса, но понятно, что мясо истлело), под протянутую левую руку, а правая рука лежала под головой, было положено рубило, которым пользовались при работе неандертальцы. Что это означает? Это не означает, что древние люди верили, что человек в могиле будет есть, не глупее нас с вами были, знали, что там не едят и не пьют, и рубилом не работают. А для чего же клали? Да для того, чтобы показать, что ты на самом деле жив, что, оказавшись в могиле, человек оставался жив, потому что пища и труд – это символы жизни. И если у тебя в могиле лежат пища и орудия труда, то тем самым они символически показывают, что ты жив.

Скажем пару слов о слове символ. Слово символ (греч. “симбалло”) – это интересное греческое слово. Оно восходит к традиции, которая была у многих древних народов, когда не было самолетов, когда дороги были долгими и расставались близкие люди на многие годы. И тогда, чтобы люди или даже их дети, если те умрут, узнавали, что их отцы дружили, при расставании ломалась деревянная дощечка, и каждый брал себе половину. Если потом, через много лет, эти люди или их дети встретятся, они, даже не узнав друг друга, соединив дощечку, поймут, что они были друзьями или их отцы были друзьями. И они тоже станут друзьями. Итак, символ – это когда из двух составляется одно целое.

А теперь, почему мы используем понятие символ? Да потому, что мы составляем тоже из двух одно целое. Мир духовных реальностей неизобразим. Мы можем нарисовать елку, и это будет очень похоже. Можем изобразить внешние черты человека и даже придать ему какой-то умный блеск глаз, и это будет иногда похоже, иногда нет, когда этого блеска на самом деле нет. Однако мы не можем изобразить духовный мир. И чтобы изобразить духовный мир человека, чтобы изобразить духовную реальность Бога, мы всегда прибегаем к изображениям по подобию, так же как дощечка рисовала подобие на изломе двух ее половинок. Вот это изображение

по подобию – древнейший опыт человека изображать неизобразяемое с помощью символического уподобления. Но у символа есть два уровня. Первый, простой и нам достаточно понятный, – это символ изобразительный. Ну, предположим, мы изображаем у Ангелов крылья, когда их рисуем на иконах, совершенно не потому, что на самом деле Ангелы имеют крылья, подобные голубиным; мы знаем, что Ангелы – бестелесные сущности, но мы изображаем крылья, чтобы отразить, как пишут в иконописных подлинниках, их легкость, их способность перемещаться в пространстве почти мгновенно, их вознесенность к престолу Божию, как птицы возносятся в небо. То есть, мы даем изобразительный символ.

Но символ еще имеет и другое значение. Это то, что называют символом явленным или, используя греческое слово, эпифаническим символом. Это то, когда некая неизобразимая духовная реальность, изображаясь в неких земных и вещественных сущностях, воспроизводит себя, становится собой, сохраняет свои качества в этой воспроизведенной земными средствами реальности. Это называется явленным символом.

И вот когда неандерталец клал своему умершему другу пищу, он делал именно этот изобразительный символ. Он не просто намекал на то, что он когда-то там проснется и будет жив; он этим явно как бы создавал ситуацию, создавал возможность будущего возрождения жизни. Погребальный обряд был не только набором меланхолических воспоминаний, погребальный обряд был мощнейшим орудием, средством победы над смертью, и одновременно знаменем, убеждением того, что смерть будет побеждена.

Мы много говорим об этой находке для того, чтобы убедиться в том, что обнаруженное нами в Ле мустье – это реальный религиозный факт, причем символически намного более глубокий, чем многие наши действия. Я думаю, этой цели мы достигли. Мы увидели, что это не случайное, что это глубоко религиозное действие. В завершение этого образа еще остановимся на одном моменте, найденном в этом захоронении. Этот момент, может быть, самый сложный для восприятия, пронизанный символами, но и самый важный.

Дело в том, что вокруг головы умершего лежали необработанные, но

явно специально положенные куски кремня. Для чего? Сам Отто Гаузер предположил, что это были полуфабрикаты, из которых на досуге умерший будет делать рубила. Но, как вы догадываетесь, древний человек не был озабочен тем, чтобы своего умершего занять делом на том свете, чтобы он там не очень скучал. Видимо, задача была опять же символическая. Какая? Кремень, кроме того, что он был средством для изготовления орудий, еще ведь был средством для получения огня. Удар кремня о кремень высекает искры, как вы знаете. Эти искры, падая на сухой мох, могут возжечь огонь. А огонь – это связь человека с Богом. «И ведь мы подобны этому кремню, – наверное, так думал древний человек, – ведь и мы сами внешне такие тяжелые, такие материальные ложимся в эту утробу земли, но в нас, как в этом тяжелом камне, живет огонь, в нас живет духовная, стремящаяся к небу, сущность». И поэтому именно вокруг головы, то есть того, что связано особенно с личностью человека (не случайно голова, лицо, личность это все слова одного круга) были положены камни. Этим как бы высказаны пожелания, убеждения, приказ, если угодно, душе умершего подняться к небу. Так много может сказать без письменного текста одно захоронение.

И вот мы смотрим на дальнейшее развитие человечества. И мы видим, что эти духовные искания все более и более усложняются и углубляются. 30-35 тыс. лет назад человек начал рисовать. Действительно, мы обнаруживаем находки пещерной живописи. Первая такая находка была сделана, если мне не изменяет память, в 1886 году в испанской пещере Альтамира. Она была открыта, как и многое в науке, случайно. Многие из вас, наверное, помнят, как было сделано это замечательное открытие. Один испанский дворянин и охотник отправился как-то на охоту, и вдруг его собака юркнула в какую-то дырку. Собака, увидев, что в дырке ничего интересного нет, вылезла наружу. Но он заметил, что там вход в пещеру и решил: когда будет воскресенье, я, как человек благочестивый, сначала помолюсь, а потом с дочкой пойду погуляю, покажу ей вот эту свою находку. Запасшись большим фонарем, этот господин отправился после воскресного богослужения на прогулку. Он развалил камни, расчистил вход в пещеру, и они с дочерью вошли под ее своды. Господин бодрым шагом в своих охотничьих крагах шел впереди, девочка еле поспевала за ним. И вдруг она закричала: “Папа, папа,

быки”. Папа ничего не видел кроме разводов на стенах. Но вдруг, приглядевшись, он увидел, что действительно эти многоцветные разводы складываются в изображения удивительных животных. Это были быки, лошади, мамонты. Кто это нарисовал? В эту пещеру явно никто не лазил. Через несколько лет научный мир установил, что фрески пещеры Альтамира доисторического происхождения. К настоящему времени известно много таких фресок, и одни из них находятся недалеко от вас в Каповой пещере. Надо сказать, что Каповая пещера – это единственный памятник палеолитической живописи за пределами Западно-Европейского, так называемого Франко-Кантабрийского ареала. Это тоже загадка: почему здесь они есть, а больше их нигде нет от Франции к Востоку? Этот памятник уникален, поэтому бережно его храните.

Итак, открылись фрески. Для чего они делались? Вы помните, что это был конец XIX века – время символизма, время искусства для искусства. Конечно же, тут же стали говорить о том, что древний человек рисовал потому, что он не мог не рисовать: душа пела, и он рисовал. Только вот как-то странно пела у него душа. Она почему-то пела у него в самых глухих дырках пещер, в кромешной темноте. Иногда она даже так странно пела, что он что-нибудь нарисует, а потом выйдет и заложит, замурует вход, чтобы никто больше не видел. Вы видели хоть одного современного художника, который так делает, если же он, конечно, не на канатчиковой даче находится? Конечно, нет. Это явно не было искусство для искусства. И это явно не было искусство для услаждения эстетических потребностей своих соплеменников. Это было что-то другое.

Следующее предположение, которое вошло на страницы вузовских учебников, – это предположение 20-х годов, что это была так называемая охотничья магия. Действительно, мы на этих фресках находим довольно много изображений животных, которых поражают копьями и стрелами. Но, во-первых, намного больше животных, которых никто не убивает. Во-вторых, есть животные, которых вообще нет в природе: какие-то странные животные или полуживотные, полулюди. Если это охотничья магия, то

непонятно, когда охотники надеялись встретить такое животное. А самое главное, что к этому времени фрески были настолько хорошо изучены, что стало ясно: для того, чтобы нарисовать одну мало-мальски приличную фреску, художник должен был потратить примерно полгода. Работа была очень сложной. Сначала высекалось изображение насечкой, потом растирались специальным образом

минеральные красители на естественных органических жирах – на крови и мозге животных. Речь идет явно о жертвоприношении. Причем краски готовились очень долго, и наносились на стену по слоям, причем очередной слой наносился после полного высыхания предыдущего слоя. Только это могло обеспечить такое качество работы, которое позволило этим фрескам уцелеть до сего дня. Вы знаете, что многие средневековые фрески, даже “Тайная Вечеря” Леонардо да Винчи в Милане, находятся сейчас на грани гибели. Прошло пятьсот лет, и фреска не выдерживает. А эта стоит 35 тыс. лет и находится в прекрасном состоянии, если к ее разрушению не будет прикладывать руку человек.

Итак, если это была охотничья магия, то есть человек рисовал для того, чтобы убить зверя, то он бы десять раз умер от голода, пока этого зверя рисовал, прежде чем вышел на охоту и убил его. Причем непонятно: почему при этом магическое изображение зверя делается в самой глубине пещеры? Такая охотничья магия известна у современных народов, но это всегда то, что делается накануне дня охоты, делается под тем же солнцем и под тем же небом, под которым происходит охота. И после удачной охоты изображение тут же уничтожается, чтобы убитое животное как бы символически опять могло вернуться в свое стадо. Тут ничего подобного нет.

Изображения делались на века под землей, входы замуровывались. И мы можем предположить, что речь идет о чем-то совсем другом. Это были изображения навсегда каких-то религиозных действий. Каких? Мы можем предположить, что речь идет об ином мире, о том мире, в который древние люди мечтали вернуться после смерти. Это мир, в котором вечно происходили жертвоприношения; это мир, в котором вечно паслись стада; это мир, в котором человек чувствовал себя значительно лучше, чем будучи изгнанным на эту землю. Человек открывает великую тайну живописи, как потом откроет тайну письменного слова: то, что нарисовано, существует вечно. И поэтому не надо постоянно совершать ритуальные действия, достаточно его нарисовать, и оно будет происходить всегда. Это было священное изображение для человека, потому-то оно так рисовалось, потому-то оно так скрывалось, потому его так берегли. Могут пройти века, могут умереть родственники тех людей, ради которых рисовались эти изображения, но вечно будет приноситься жертва в память этих

умерших. И мы сейчас с вами должны коснуться еще одной важной темы, связанной с нашим сегодняшним днем и с глубочайшей древностью.

Это тайна жертвы. Человек узнает, что такое жертва. Когда это происходит? Наверное, бесконечно давно. Но ученые впервые могут сказать, что древний человек знал, что такое жертвоприношение тоже с эпохи неандертальца. Это отдельная и очень интересная тема, но, суммируя все, хочу сказать: у нас говорят, что древние люди поклонялись медведям, зубрам, мамонтам или другим животным. Ничего подобного! Они им не поклонялись. Они их использовали как объект жертвоприношения. Они поклонялись мамонту и зубру не больше, чем современные христиане поклоняются кресту, который используют как материальную форму для совершения Евхаристического Таинства. Это были лишь средства. Это были земные сущности, которым надо было придать божественную форму. Откуда это мы можем знать? А вот откуда.

Древний человек совсем не должен был охотиться на мамонта или пещерного медведя. Охота на них была очень сложна, очень трудна, а пищи вокруг было достаточно много. Зачем рисковать жизнью, если можно и так наесться и напиться? Однако рисковали и даже погибали, но охотились на этих огромных животных. А потом мы находим бивни мамонта и остатки скелета мамонта в могилах людей верхнего палеолита. Находим особые медвежьи пещеры, где неандертальцы трепетно хранят кости медведя и особенно их черепа. Это явно священные предметы, но они до этого прошли некое религиозное действие. В чем дело? А вот в чем.

Древний человек жил очень примитивной жизнью, и в то же время у него были очень глубокие образы на очень простом уровне. Один из наших классических образов – это образ еды. Все мы знаем, что если мы, простите, кушать не будем, то умрем. Более того, все мы знаем, что пища нас соединяет с тем, что мы едим. Если неандерталец хоронил своих умерших в могиле, он прекрасно знал, что пища делает человека перстью, плотью. Впрочем, пища и делает тело человека, и поэтому человек возвращается в землю. Ну, естественно, у человека возникла мысль: а где взять такую пищу, которая соединяет не с землей, а с небом, не со смертью, а с жизнью?

Невооруженным взглядом такую пищу обнаружить на земле было бы невозможно. Даже очень дорогая черная икра соединяет нас с землей. Ну что тут поделаешь: нет другой пищи. И, видимо, тогда возникла вот такая мысль: надо нечто земное символически объявить, уподобить, сделать образом Небесного, земное сделать образом Небесного. Тогда мы, вкушая эту внешне земную, но на самом деле небесную пищу, будем соединяться с Небом. Ну а что сделать образом Небесного? Не будем забывать, что человек неолита был охотником, он не знал земледелия, скотоводства. Что же ему делать? Естественно, найти самое мощное, самое сильное животное, ибо Бог мощен, и символ в каких-то параметрах, каких-то измерениях должен был быть подобным Первообразу. И поэтому наиболее мощное животное (для неандертальца им являлся пещерный медведь – гигантское животное, длиной более четырех метров, высотой в холке 1,8 метра; для кроманьонца это мамонт) становится образом Бога. Их ловят, их после каких-то священнодействий убивают, их мясо вкушают, чтобы соединиться с объектом жертвы, а кости или сохраняют, или кладут в могилы, чтобы небесное пребывание умершего было утверждено таким символом. В этом идея жертвы. Не потому что древний человек хотел накормить Бога. На этот счет прекрасно сказано в 49-м псалме Давида: “Разве Я пью кровь тельцов и ем мясо козлов? У Меня все звери дубравные и скот на тысячи гор”). Разумеется, не думали древние люди, что Бог такой вот голодный мужичок, которому только надо кусок кинуть, чтобы он был добрым. Это мы так, оглупляя древнего человека, думаем. И образ жертвы был совсем иной, это образ соединения. И есть масса великолепных памятников верхнего палеолита, в частности, памятников живописи, которые об этом, безусловно, свидетельствуют.

Итак, мы видим, что древний человек из глубины веков нес глубокую и сильную веру. Но нес он еще и другую идею. Он нес идею собственной некачественности. И чем ближе к нашему времени, тем сильнее эта идея нашей некачественности, нашей грешности овладевает душой человека. Человек начинает делать с точки зрения материалиста совершенно абсурдные вещи. Уже сама идея охоты на мамонта абсурдна. Для маленькой общины охота на мамонтов была не только в высшей степени трудным и материально бесполезным

делом: она просто не смогла бы съесть все это мясо, оно бы разложилось, зато огромное количество хищников пришло бы из тайги поживиться остатками разлагающегося мамонта, и люди были бы поставлены в опасность. Но гораздо яснее это новое, все более усиливающееся чувство человеческого греха, человеческого несоответствия Божественному замыслу о нем, встречается в следующую эпоху – эпоху буквально предшествующую созданию государства. Это так называемая эпоха неолита – новый каменный век, когда человек переходит от собирания пищи к ее производству. Возникает земледелие и скотоводство. Человек переходит к оседлому образу жизни. Это огромная тема, почему он переходит к такому образу жизни? Все далеко не так просто.

Скотоводство и земледелие возникают не из экономической необходимости, а, скорее всего, по религиозной необходимости. Это особая тема. Но замечу следующее. Человек в эпоху неолита, сев на землю, создав деревни, первым делом занимается странными вещами. Он начинает хоронить своих умерших, причем не после того, как они умерли, а после того, как разложились мягкие ткани и остались одни кости. Он начинает эти кости хоронить в полу своего дома, в том жилище, где он живет. Этого раньше не было. Но все поселения раннего неолита характеризуются тем, что в круглом жилище делается священный участок: примерно под углом 60 градусов, расходящимся от находящегося в центре жилища очага в противоположную от входа сторону, где образуется сектор, в котором есть эта священная земля, где хоронятся кости умерших. Иногда черепа умерших предков просто ставятся на полочки в этой священной части жилища. Иногда они моделируются гипсом, как в древнем доисторическом мире, а отнюдь не в том, который завоевал Иисус Навин в древнем Иерихоне, а иногда они моделируются гипсом, воспроизводя снова черты лица умершего. Что это? Проявления болезненной психики? Нет. Просто тогда с необыкновенной силой возникает чувство единства рода. Древние люди осознают, что мы ведь произошли от наших отцов и дедов, их кровь течет в нас, поэтому они помогают нам. Они рядом с нами. Мы должны заботиться о них, приносить жертвы, а с другой стороны, они охраняют нас, защищают нас, поэтому их черепа стоят в доме, они как бы участвуют в домашнем совете. Это была причина, почему

человек осел на землю. Человек еще не умел разводить растения, выращивать животных, а уже стал обитателем оседлых поселений, потому что какая-то новая идея заставила его не возить кости умерших с собой: их уже надо предать земле. А если их придать земле, вложить в утробу земли, их нельзя бросать, значит надо жить с ними. Это был первый этап, первый резон перехода к оседлости.

Только приблизительно, через 1,5 – 2 тысячи лет после того, как человек сел на землю, он стал выращивать хлеб, одомашнивать и разводить животных. Это происходит где-то 12 тыс. лет назад. Но прошло еще где-то 5 – 6 тыс. лет, и мы видим какую-то духовную революцию. Причины ее мы не знаем. Прочесть о ней мы не можем – человек тогда не умел писать. А революция имеется. В чем она заключается?

Происходит несколько удивительных разделений, в которых мы живем до сих пор. Неожиданно умерших перестают хоронить в домах. Их повсюду выносят на кладбище. Впервые возникают кладбища, т.е. разделяется “дом живых” и “дом умерших”. Мы видим и второе разделение. До этого главным центром религиозной деятельности человека (об этом можно судить по наличию массы предметов, имеющих религиозные функции) было само жилище, где он жил, его дом. Там был алтарь, там совершались жертвы, там стояли, видимо, какие-то образы божественного. И вдруг дом и храм разделяются и уже навсегда. И у нас они разделены. Это происходит где-то за 6 тыс. лет до Рождества Христова. Третье, самое странное и может быть для нас непривычное, – это появление в истории человечества изображения Небесного Бога в образе человека. Мы с вами настолько привыкли к иконе, что этому, в общем-то, и не удивляемся. А на самом деле человек всегда избегал этого делать. Почему? Потому что, в сущности, до пришествия Христа Бога не видел никто, никогда. Сын Божий, явившись, Его нам явил. И древний человек прекрасно понимал, что Бог не изобразим, он образа не имеет. И поэтому Его надо изображать в каких-то символических формах. Например, в верхнем палеолите Бога очень часто изображали в виде мамонта или зубра, то есть того животного, которого приносили в жертву и через которого соединялись с Богом, но в виде человека – никогда. В эпоху раннего неолита, когда умерших хоронили под полом дома, как

правило, Небесного Бога изображали в виде бесформенного камня. Просто брали камень и ставили его вертикально, иногда на нем рисовали глаза, как знак того, что он все видит. Но эта бесформенность была знаком того, что Бог не имеет формы, Он безвиден, и бесформенность камня об этом говорит, а в то же время камень вечен (это еще один символ) и незыблем, в отличие от дерева. И поэтому необработанный кусок камня, пожалуй, – лучший образ Бога, кстати, он дошел до исторического времени. Если вы помните, когда Иаков шел из Харрана, и ему явился Бог, он берет камень, ставит его вертикально и возливает елей на вершину камня. Это действие очень древнего неолитического прошлого; это образ, который, видимо, существовал еще тысячелетия назад.

И вот, примерно за 6 тыс. лет до Рождества Христова, мы неожиданно встречаем человекоподобное изображение Небесного Бога. Им обычно является муж. Я не буду говорить вам о том, что еще со времен неолита встречается образ земли в виде женщины со всеми подчеркнутыми признаками беременности, рождения, но обычно лишенный лица, то есть это безличная, вечно рождающая мать-земля, но человеческого облика, потому что мать рождает подобных себе. А тут впервые изображается муж, потому что семя жизни дается Небесным Богом, а, значит, Небесный Бог всегда изображается в мужском образе. Он изображается в виде мужа с бородой, часто в рогатой шапке, потому, что зубр и другие копытные животные были образами Небесного Бога, и поэтому рога больших копытных животных становятся божественным символом. Вспомните, что о жертвеннике Синайской теофании, который Бог велел построить Моисею в пустыне, говорится: “И изведи рога с четырех сторон жертвенника”. Почему? При чем здесь рога и жертвенник? Опять же это очень древний образ, потому что задолго до Моисея в Египте было то же самое, в Месопотамии было то же самое. Это воспоминание осталось с прежних времен, когда копытные были образом Бога. Они ими и остались, в сущности, ведь во всесожжениях Израиля употребляли быков, тоже крупных копытных. Вот, Он часто изображен в этой шапке с бычьими рогами и часто Он изображен едущим на быке, то есть на своем жертвенном животном. Но это человек. Что это означает? Что люди вдруг решили, что Бог похож на человека, после того как они так долго и давно знали, что это не так?

Нет, конечно. Люди пытались изобразить прямо противоположное, что человек подобен Богу. Но поскольку невозможно изобразить человека в божественном облике, поскольку осязаемого облика Бог для нас не имеет, то единственный способ показать, что человек подобен Богу -(это то, что называют философы – совершить инверсию, то есть переворот) показать, что Бог подобен человеку. И отсюда появление антропоморфных изображений, изображений Бога в человеческом облике. А это связано еще с одним важнейшим ощущением: да, я подобен Богу, но какая же я при этом свинья! Как удивительно я на самом деле не соответствую этому образу. Чем более высоко мое призвание, тем низменнее моя эмпирическая реальность. Это все равно, что кто-то из нас знал бы, что он царской крови и призван на царский престол, а при этом был бы пьяницей, развратником и, в общем, тем, кого мы называем бомжом. И если бы у него остались остатки сознания, как бы он мучился тем, что у меня такое призвание, у меня такая задача, а я вот тут копаюсь в помойных отбросах и ничего не делаю, чтобы быть соответствующим этому образу. Вот, нечто подобное мучительно входит в душу древнего человека. А может не входит, а только, наоборот, усиливает. Мы христиане каемся на исповеди, но, в общем, в глубине души считаем себя вполне приличными людьми. А когда человек всю свою жизнь тратит на то, чтобы эту неадекватность, несоответствие перебороть, не жалея никаких сил, то мы такого человека святым называем. Так вот, в то далекое время целые культуры делали то, что сейчас делают отдельные избранные люди. Но прежде чем перейти к последнему на сегодня сюжету, я расскажу вам об одном интересном факте, который тоже требует объяснения.

Дело в том, что в эпоху неолита люди почти отказываются от захоронений своих умерших с каким-то богатством, как мы называем, инвентарем, какими-то богатыми вещами. Людей хоронят очень просто: как богатых, так и бедных. Мы можем догадаться, что человек был богат, во-первых, потому что само сооружение гробницы более массивное, а во-вторых, потому что остались какие-то личные вещи: кольца, какие-то дорогие костяные ожерелья, в общем, то, что не у каждого было. Но в целом это очень скромные захоронения. И единственный предмет, который всегда стоит в таком захоронении, – это маленький глиняный сосудик. Он может стоять в головах

умершего, может стоять на груди, около рук, может быть несколько сосудиков быть около локтей, груди и в головах.

Что это такое? Это явно не пища, никаких следов пищи там нет, но точно такие сосудики используют в быту в косметике женщины того времени. Я должен сказать вам по секрету, что женщины всегда женщины и поэтому всегда использовали косметику с глубочайших времен. Это сосуды для масла, для притирания. Ну что, древние решили, что у мертвого все есть, только ему не хватает масла для полного счастья? Чтобы понять это, для начала мы должны вспомнить, что обозначает слово растительное масло. Вы знаете, что само слово масло, по-гречески “элеус” – наше елей. Но в греческом языке два слова «милость» и «масло» произносятся совершенно одинаково, а пишутся для удобства различения по-разному: одно через обычное “о”, а другое через букву омега. И когда мы называем Богородицу милостивая, то по-гречески это «теотокия элеуса», то есть, если угодно, «масляная». Почему? Нам, северянам, это не вполне понятно. Однако те, кто когда-нибудь ездил на южные курорты, знают, что под палящим солнцем наша кожа быстро теряет свою эластичность, трескается, облезает и, в общем, если человек перележал на солнце, то он может тяжело заболеть. Но это происходит, когда мы от нечего делать жаримся на солнце. А ведь человек юга, человек Востока, человек Палестины, человек Египта должен был работать в поле весь световой день, причем именно летом, когда все растет, когда солнце совершенно испепеляет и когда такая жара, что удобные белые одежды не оденешь, а приходится в обычной набедренной повязке, которая почти ничего не закрывает, вкалывать от зари до зари, чтобы был урожай. Что после этого будет с кожей? И вот поэтому-то масло для притирания на Переднем Востоке с глубочайшей древности, с доисторической древности, является не привилегией модниц и роскошных женщин, а обычным средством жизни. Его дают рабам наравне с хлебом и чесноком, иначе они будут совершенно нетрудоспособны. Это абсолютно необходимый элемент жизни. Он умягчает солнечные лучи, смягчает кожу, он позволяет человеку жить в условиях этого палящего солнца.

А теперь вспомним одно из семи таинств Церкви – Таинство Елеопомазания. Вы знаете (особенно люди церковные), что когда

человек болен или когда человек при смерти, он должен, если совсем плох, призвать, как написано у апостола Иакова, пресвитеров Церкви к себе, который помажет его елеем и помолится, и он будет здоров или же, наоборот, разрешится и пойдет в вечность. А если человек болен, но не настолько плох, то он сам приходит на совершение Таинства Елеопомазания в церковь в Великий пост. У нас у всех существует убеждение, а, надо сказать, что к убеждениям нужно прислушиваться внимательно, что в Таинстве Елеопомазания даже те грехи, которые вы запомнили или не осознали, смываются в этом таинстве. Есть такая точка зрения.

И это очень древнее представление. Дело в том, что солнце, небо – это знаки Божественного бытия. Испепеляющие лучи солнца начинают для древнего человека все яснее и яснее связываться с Божиим гневом, с взыскательным отношением Бога к своему образу и подобию, которое оказывается совершенно не подобным. И подобно испепеляющему гневу Божию, человек может просто сгореть. Мало того, это тоже символ, но это символ Божественной милости, к которой мы взываем, чтобы Бог простил нам грехи. Человек ослаб, как младенец, который совершил какой-то плохой поступок и говорит: «Мама, прости, я больше так не буду делать». Мама символически шлепнет, но, в общем, не будет наказывать. Вот также и мы просим у Бога милости, и знаком этой милости является этот сосудик для масла в погребениях неолита всюду встречающийся: иногда закрытый крышечкой, иногда отдельно стоящий.

И вот последний сюжет, о котором я обещал вам рассказать и который в некотором роде является доказательством того, что я сказал вам до этого. Это тот последний период, который отделяет уже привычную нам, хотя и древнюю, но все-таки, нормальную для нас государственность, письменность – все то, что мы называем “цивилизация”, хотя не совсем верно употребляем это слово.

Где-то примерно за 5 тыс. лет до Рождества Христова, а иногда думают даже за 6 тыс. лет (датировки колеблются) совсем в отдаленном тогда районе мира, находившемся на культурной периферии, возникает странное религиозное движение. В том, что это именно религиозное движение, мало кто сейчас сомневается. Оно тоже не оставило письменности, но оно оставило памятники и какие

памятники! Около 5-6 тысяч лет до Рождества Христова на берегах северо-западной Европы: в современных Англии, Франции, Дании, Атлантическом побережье Испании - начинают ставить сооружения из громадных камней. Эти сооружения вошли в историю как культура мегалита: "мега" и "литос" - большие камни. Одно из этих сооружений все более-менее знают, о нем писали тысячу раз: это Стоунхендж. Но таких сооружений сотни и тысячи. Они многообразны. Это могут быть отдельные вертикально поставленные камни высотой до 20 м каждый. Это могут быть такие домики из гигантских каменных глыб, каждая весом по 10 -20 тонн, то есть стены, а задняя стена и крыша из невероятно толстой плиты. Это могут быть камни, поставленные кругами. Это могут быть, наконец, галерейные гробницы. Кстати, эти домики, дольмены, - это тоже гробницы. Они когда-то были засыпаны сверху землей, но землю сдуло, остался один каменный каркас. Это могут быть галерейные гробницы, когда к такому домику-дольмену пристраивали еще длинную перпендикулярную галерею, и возникала форма креста. Над всем этим насыпался курган и образовался склеп многоразового использования, куда раз за разом, век за веком, люди вносили кремированные останки, то есть кости, своих умерших.

Эта культура возникает в северо-западной Европе. Это выяснили сравнительно недавно - в 1960-е годы. До этого предполагали, что эта культура пришла из Средиземноморья и была намного позже. И когда открыли радиоуглеродный анализ, который позволяет довольно точно датировать время создания памятника, тогда оказалось, что самые древние памятники - это памятники, расположенные в северо-западной Европе, периода 5-6 тысячелетий, когда ничего подобного на Переднем Востоке и в помине не строили. Эта культура постепенно осваивает все Средиземноморье, добирается до Сирии, Египта, Месопотамии. Потом она распространяется дальше, на побережье Индийского океана, и памятники мегалитического типа можно встретить в современной Индонезии и даже на островах Тихого океана. Они есть и у нас на Северном Кавказе, Абхазии. Так что это очень широко распространившиеся формы.

Одно интересное свойство - это то, что они распространились вдоль берега моря, а по мере удаления от моря их число и величина уменьшаются, и где-то в 200 км от морского берега мегалитические памятники исчезают. Их строят разные народы. Бытовая культура строителей мегалитов в разных районах мира разная, а вот памятники одни и те же, то есть мы имеем дело

с чем-то наподобие великих религий, которые охватывают собой, побеждают души многих народов. Ну, скажем, русский,

испанец и филиппинец совсем разные люди, и их бытовая культура совершенно различна, а те и те – христиане. Церкви, хотя и очень похожи, конечно, отличаются. Но церковные здания Католической Церкви на Филиппинах и Православной Церкви в Екатеринбурге в основных своих позициях очень близки, отличия скорее вторичны. Вы сразу поймете, попав в Манилу, что вы в церкви, а не, скажем, в бассейне. Мы здесь имеем дело с тем, что разным народам передавалась какая-то одна сумма идей. И в то же время мы встречаемся с удивительными фактами. Вот, например, маленькая нынешняя Дания – это полуостров Ютландия: ряд районов полуострова – восток и север – это мегалитическая культура; ряд районов полуострова – запад и центр – и никакой мегалитической культуры, никаких гигантских каменных построек. Люди по старинке хоронят в земле своих умерших, живут самым обычным образом. А тут на постройку Стоунхенджа, по подсчетам современных исследователей, при той технологии, которая была тогда и которая теперь изучена довольно хорошо, было потрачено 30 млн. человеко-часов.

Есть еще целый ряд памятников столь же трудоемких, например, огромная галерейная гробница Ирландии. Но даже для обычной маленькой галерейной гробницы, которая обслуживала несколько хуторов где-нибудь на севере Шотландии (а тогда, надо сказать, жители мегалита жили хуторами, они не знали государства, это были семейные хутора, объединенные в соседние общины), которую строило несколько хуторов, должно было быть затрачено не менее 10 тыс. человеко-часов. А я подчеркиваю, что люди жили семьями, да им приходилось кроме этого выращивать хлеб, охотиться, ловить рыбу. Природа северо-западной Европы суровая, крупных магазинов, где все можно было бы купить, не было тогда, и человеку приходилось работать от зари до зари. Так оказывается, что он все свое свободное время и даже время несвободное тратил на строительство этих огромных религиозных, в первую очередь, заупокойных, могильных сооружений. Как будто он свихнулся! Ну, мы сейчас тоже иногда пойдем на кладбище, посетим могилки наших умерших, но никто же сам не будет жить в хижине, а строить дворец для своих умерших,

скорее наоборот. Это мы – верующие люди, а что говорить о неверующих?! А там человек сам ютился в таких жалких хижинах, что их совсем недавно, только в 70-е годы, удалось обнаружить с помощью точнейших методов археологического исследования, а зато строил такие гробницы, которые видны и по сей день. Причем строил не так, как у нас сейчас какой-нибудь грузинский магнат хочет построить склеп для умершего папы с ангелами и с такими финтифлюшками, так как у него денег очень много, а строил потому, что, видимо, желал все свои силы, всю свою энергию, все свои возможности потратить на победу над смертью. А это о чем говорит? Это говорит только об одном: об ощущении своей неадекватности, некачественности, греховности, которое было так велико, что человек понимал – только полным средоточением сил, полной самозабвенной отдачей религиозному делу, он может надеяться на милость Божию и на победу над смертью.

О памятниках мегалита можно много говорить. Они очень интересны, их символические ряды удивительно многообразны. Но скажу только об одном, чтобы вас хоть как-то приблизить к реальности. Мы вот все, например, привыкли к могильному холму. Когда человек умирает, мы не просто его закапываем, но всегда делаем холмик на могиле и даже не думаем: почему? На Руси языческой и даже в первое время христианской Руси над могилами умерших делались курганы. Почему? А вот в эпоху мегалита это становится понятным. В эту эпоху курганы тоже делали, причем огромные. Ирландский курган в местечке Нью Грэндж имеет примерно 40 м диаметром, и внутри него находится галерейная гробница со сводом главной камеры 7 м высотой.

Люди строили без цемента, простым наложением камней друг на друга. Непростые штуки делали. Но зачем все это делалось? Дело в том, что археологи, изучая эти древние гробницы, обнаружили, что там, где более или менее сохранилась окружающая местность в нетронutom виде, оказывается, есть система рвов и насыпей вокруг курганов. А сам курган, как вы понимаете, имеет отверстие вход, галерею. Сам вход закрыт камнями, но есть узкое отверстие, через которое можно протиснуться, а вокруг какие-то рвы и насыпи. Когда сделали контрастные аэрофотосъемки, то обнаружилось, что эти рвы

и насыпи образуют фигуру полной женщины. Ну, англичане, в общем, большие юмористы. Они назвали эти находки «fat lady», т. е. жирная госпожа. Это такие полные дамы, явно беременные, и их животом является этот курган. Все понятно: если могила – это утроба земли, то галерейное захоронение с курганом, это не что иное, как беременный живот земли. Внося в эту утробу мертвых, из нее ожидают нового рождения умерших. О том, что это рождение не на нашу землю, говорит целый ряд символов. Ну, например, то, что пуповиной этого кургана является менгир, поставленный на его вершину. Как вы знаете, пуповина связывает младенца с телом матери. А тут наоборот, умерший связан с Небом. И, наконец, сама точка выхода из кургана, т. е. то место, откуда должны родиться умершие, не только по форме анатомически воспроизводит детородные органы, но еще и ориентировано на очень интересную точку – на точку, в которой 21-22 декабря каждого года поднимается солнце. На эту точку ориентированы выходы из курганов. Иногда ориентированы на точку восхождения луны в этот день, но это особый разговор. Из-за этого, кстати, многие стали говорить, что это астрономические сооружения, которые были сделаны для того, чтобы указать, где восходит солнце в такой-то день. Но я думаю, что люди не будут работать 30 миллионов человеко-часов, чтобы показать нам, дуракам, где восходит солнце 21-го декабря. Это не самая главная задача. А вот символом это было очень важным. Вы помните, что такое 21-е декабря? Это день зимнего солнцеворота, т. е. до этого солнце, как и сейчас, все уменьшается, день все уменьшается, холод наступает, как бы смерть, зима торжествует над жизнью и летом. Ночь, смерть, зима, тьма. И вдруг происходит победа. Солнце начинает расти. Солнце повернуло на лето, скоро будет тепло, скоро будет все больше света, жизнь победила смерть. На эту точку, на точку, где совершается это великое таинство победы над смертью, обращены выходы из курганов. О чем это говорит? Это говорит о том, что древние строители надеялись на то, что когда мертвые воскреснут, они пойдут к своему Небесному Отцу, к Тому, Кто дал семя жизни. Они покоятся в этом чреве матери своей, в чреве земли в ее безмерной утробе, до момента, когда наступит день, и они возродятся. Они возродятся к Тому, Кто дал им семя жизни. К солнцу, Богу, Небу. Но чтобы это произошло, надо сосредоточить силы,

отдать Богу всего себя. Мы будем жить в жалких хижинах, мы будем жить самым скромным бытом, но мы все свои силы сосредоточим на том, чтобы сделать угодное Тебе, чтобы показать, что мы ищем не земного, а небесного. Одни народы, готовы были на это максимальное сосредоточение сил, на это максимальное сжатие пружины, а другие не были готовы. Одни готовы были строить эти памятники, а другие продолжали по старинке хоронить в земле своих умерших по принципу: а ну ничего, и так обойдется. А есть такие интересные районы, где пытались подражать этим жителям мегалитических поселений, но с минимальными затратами труда. Например, они тоже ставили менгирчики, но 20 см величиной. Ну, вроде бы то же самое, ну, и не особенно тяжело. Вот, например, Французский Центральный массив дает такие примеры. Итак, тайна мегалитической культуры нам неизвестна. О настоящих мыслях этих людей мы можем только догадываться. Надо вам сказать, что в Западной Европе эта культура угасла примерно за 2 тыс. лет до Р.Х. Видимо, люди не выдержали этого напряжения сил, не смогли так напряженно работать над своим спасением, и когда Западная Европа для нас становится известной (из «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря, в какой-то степени из «Истории» Геродота), то она живет уже в условиях обычной дикости. Все давно заброшено: люди живут в мире не напряженного искания Бога, а в удобном мире духов.

Оказывается, есть два выхода из любой ситуации. Один – это жертвовать собой ради Бога, умереть ради Бога, чтобы быть с Ним. Если зерно не умрет, то останется одно, а если умрет, родит колос, т.е. один путь – это самоотдача Богу и надежда, что тогда твои грехи будут прощены, а второй путь – это махнуть рукой на Бога, забыть о Нем и сосредоточиться на этой земной жизни, жить ради этой жизни. Многие люди говорят: «Я живу, потому что я живу, надо жить; ах как тяжело жить». Так вот, оказывается, что этот второй путь, он такой же древний, как и первый. Мы о нем можем догадываться, поскольку эти разделения на тех, кто жил ради вечности, и на тех, кто жил потому, что надо жить, происходил и раньше. Но в эпоху мегалита это разделение очень явное, прямо видно, как проходит эта граница между племенами, которые живут по разные стороны реки. Это граница двух ценностей и двух целей.

И что происходит? Те, кто, напрягая все свои силы, ищут Небесного, может быть сами оступаются и падают, и, в конечном счете, их культура угасает и становится обычной культурой и жизнью в мире духов, управляющих законами этой земли. Но они передают свою эстафету другим, и в Восточном Средиземноморье примерно за 3,5 тыс. лет до Р.Х. возникают уже великие письменные культуры, которые открыли новый способ собирания человеческих сил ради решения религиозных задач. Этот новый способ – государство. Возникает государство, как средство организации жизни для решения религиозной задачи. Нам иногда говорят, и у нас в России до сих пор в моде так называемая гидравлическая теория Ветфогеля, что государство возникло для того, чтобы создать искусственную ирригацию. Ну, понятно, это экономические причины всему виной, но надо посмотреть, а на что в результате этих ирригационных систем тратил все средства житель Древнего Египта. Что он обжирался хлебом или строил себе дома культуры? Чем он занимался? Он строил себе заупокойные гробницы, пирамиды, храмы; 80 % энергии древнего царства первого периода Древнего Египта тратятся на религиозные цели. Исходя из этих данных, мы можем сказать, что государственной задачей было не решение экономических, а решение религиозных вопросов, но с еще большим собиранием сил. Но об этом будем говорить на следующей лекции. А те народы, которые махнули на духовную жизнь рукой, не создали ни цивилизации, ни государства, ни письменности, и те из них, кто дошел до нас, а такие, как вы знаете, есть, это до сих пор общества, именуемые неписьменными народами. И мы, ученые, всегда задаемся вопросом, это опять же загадка: почему живут бок о бок два народа – один имеет цивилизацию, культуру, письменность, литературу, а в 50 километрах живет племя, которое ничего этого не имеет, живет бок о бок с этим народом тысячи лет и, кажется, совершенно не хочет образовываться?

Я все время вспоминаю известный анекдот про негра и миссионера. Миссионер идет по Африке и видит негра, который спит под деревом днем. Тот его будит, говорит ему: «Вставай, просыпайся». А негр говорит: «Зачем?»

- Ну, как, это ведь день, ты должен работать, выращивать урожай.

- А зачем?

- Ну, как, когда ты продашь урожай, у тебя будут деньги, ты построишь дом, создашь семью.

- Ну и что?

- Как? Тогда ты снова посеешь хлеб на большом поле, ты станешь богатым человеком.

- Ну и что потом?

-Ну, а потом ты можешь спокойно отдыхать.

- Так я и так отдыхаю.

Так вот, те кто “и так отдыхает”, ничего не создают. А колоссальное напряжение сил ради достижения вечности создает и материальную культуру, и материальную цивилизацию, и письменность, и государство. Но это разговор уже следующей лекции.

Теперь о самом главном, что было сказано в этой лекции. Моей задачей было показать вам, что человек религиозный – “хомо религиозус” – это то же самое, что и “хомо сапиенс”, что на самом деле самое главное и самое сокровенное отличие человека от всего остального живого мира – это то, что он ищет соединения с Богом и желает этого соединения всеми силами и, работая с колоссальным напряжением сил над своей духовной задачей, сознавая свою грешность, свою слабость, свою неадекватность, стараясь преодолеть ее, человек как бы побочно создает весь тот мир, в котором мы живем сейчас. Когда человек отказывается от этой духовной задачи, он утрачивает и свои достижения чисто цивилизационного плана. Так нас учит, ну если угодно, история религии или историческая наука.

Ответы на вопросы:

Вопрос: *Что вы знаете о других формах жизни в нашей Вселенной и вообще в мироздании?*

Ответ: О других формах жизни в нашей Вселенной я ничего не знаю: может, есть эти формы, может быть, их нет. Понимаете, в отличие от какой-то формальной догмы, наука, даже если ученый является человеком верующим, всегда исходит из факта. Если у нас,

скажем, будут неопровержимые факты того, что есть мыслящая жизнь на Марсе, это отнюдь не опровергает Библию, но только усложнит еще больше наше понимание духовной реальности. Вот и все. Так же как и находка неандертальца ничего не опровергла, но углубила наши познания.

Что касается смысла жизни, то я думаю, что смысл вообще любого действия находится за рамками самого действия, т. е., когда вы, например, строите дом, то смысл жизни не в том, чтобы построить дом, а смысл жизни в том, чтобы в нем жить. Точно также смыслом жизни является то, что находится по ту сторону жизни. А что находится по ту сторону жизни? Вечность. Если нет вечности, то жизнь теряет смысл. Также если нет возможности жить в доме, то строительство дома абсурдно. Поэтому смысл жизни в том, чтобы достичь вечности, достичь вечного бытия, преодолеть те грани, те пределы, с которых я начал сегодня настоящую лекцию: грех, смерть и грани отчуждения. И поверьте, что этим жило человечество всю его историю и даже до истории.

Вопрос: *Как я понял, все лучшее, чего достигло человечество, – это культура Древней Греции?*

Ответ : Нет, неправильно поняли. Я хотел сказать, что вообще понятие “достигло” к культуре, если мы это называем культурой, не относится. Понятие достигло, т. е. прогресс, развитие имеется в области цивилизации, т.е. в отношении человека с окружающим его пространством. Там человечество достигло многого, и я думаю, что еще большего достигнет. Что же касается культуры, а культура, не забудем, происходит от слова “культус” – это отношение человека с Богом, проращивание себя Богу, агрокультура – это лишь эпифеномен слова культура как культ, как выращивание души Богу.

Итак, если очень коротко говорить, цивилизация развивается, культура пребывает. Время от времени в культуре происходят откаты, деградации; так, одна из таких деградаций является, к сожалению, в наше время. Но потом происходит такой синусоидальный процесс, подъем, и мы знаем в истории и в доисторическое время много периодов упадков и много периодов подъемов, так же как и вы знаете из своей собственной жизни много примеров периодов духовных подъемов и много периодов, к сожалению, духовных упадков. Вот

поэтому Древняя Греция тут не причем. Я ее привел как наиболее известный нам всем пример. Я мог бы с таким же успехом говорить и о шедеврах Древней Индии, например, о печатях Мохенджо Даро или о росписи критских ваз, но мне было важно говорить о том, что знает каждый, поэтому я взял Древнюю Грецию, которую знает каждый.

Вопрос: *Что означают знаки: человек, лев, орел, телец на иконе “Неопалимая купина”?*

Ответ: Это знаки евангелистов. Каждый из евангелистов, если угодно, имеет свой геральдический знак. Евангелист Иоанн орла, Матфей – человека, Марк – льва, и Лука – тельца. Понятно, что они связаны с особенностями повествования евангелистов. Но все-таки, что они обозначают? Есть довольно много трактовок того, что они выражают. Так, скажем Евангелие от Матфея человечно, евангелист Иоанн воспаряет подобно орлу и т. д. Я скорее вам расскажу о другом: если уж речь зашла о символах, то я хотел бы сказать о том, когда мы впервые можем уверенно говорить о появлении символики креста. Впервые символика креста появляется (хотя знаки креста иногда бывают и раньше, и, возможно, уходит в неизвестно какую древность, но, безусловно, знак креста связывается с Небесным Богом как раз в мегалитическую эпоху) в домегалитических дольменах Испании. Там очень характерное изображение креста, в одной из рук горизонтальных планок которого зажат топор. А топор – это вовсе не какой-то там топор Раскольникова. Топор в ту далекую эпоху был одним из важнейших символов Небесного Бога. Почему? Во-первых, он был связан, видимо, с образом боевого оружия, как главного мужского атрибута, а во-вторых, был связан с ударом, шумом и символизировал собой молнию, т.е. то, что соединяет миры: небо и землю; к тому же молния была универсальным образом брака, единства неба и земли, из которого появляется человек. Вот, кстати, знаком топора Бог изображался и в иероглифике Древнего Египта. Это первое изображение креста и совершенно ясно, что оно имеет следующую смысловую нагрузку: это вертикаль, соединяющая небо и преисподнюю – живых и мертвых, вернее Живого Бога и мертвых, покоящихся в земле, оплодотворенных семенем Бога, а горизонталь – это всеобщность, объемлющая все. Значит ли это, что наш знак креста теряет свой смысл? Ничего подобного.

Не надо никогда забывать, что Христос сказал: “Я пришел не изменить, но исполнить”. Все чаяния древнего человека, если они были верными, если они не были ложными, если это были упования души, знавшей Бога, искавшей Его, – все это реализуется Христом. И этот древнейший знак жизни, знак победы над смертью (не будем забывать, что у египетских богов в руке крест – амех, именно божественный крест) был раскрыт как бы из символической формы в реальную на Голгофе. В этом смысл креста, который мы носим. Крест из символа стал реальностью победы. Вот в этом великое дело Христа.

Вопрос: *Что такое искусство? Искусство – это искуc – искушение. Как относиться к искусству. Искусство от Бога или от демонов?*

Ответ: Как и к любому другому делу. Вот я использую микрофон, если бы я его не использовал, то многие бы из вас не услышали то, что сегодня здесь происходит. Я использовал вчера самолет, чтобы прилететь к вам из Москвы. Что это – от демонов или от Бога? Все зависит от того, как и для чего вы это используете. Если вы используете искусство для того, чтобы обратить человека только к земному, как бы ориентировать его на земную реальность как на самоценность, то это от демонов. Если вы используете искусство для того, чтобы через земное (а другого у нас просто нет, небесного вы нарисовать не сможете, даже если будете семи пядей во лбу) возвести дух к Небесному и напомнить о нем человеку, возбудить в нем жажду вечного, то это от Бога. Разве это от демонов? И чем гениальней художник, тем глубже он может ввести человека в пучину демонизма и, наоборот, тем больше может помочь человеку в его подъеме к Богу. Гениальность, это, если угодно, – нейтральная сила. В этом смысле Гейне рассматривал ее, как нейтральный дух, который у одного человека сильнее, а у другого слабее, а знак духу даете вы. И за это каждый из нас даст перед Богом ответ. Поэтому я считаю, что надо стараться направить свою душу и свой талант на служение Богу; не отказываться от таланта, не говорить, что мой талант плохой, поскольку любой талант хорош, только его надо употреблять, как надо, в том вся задача.

Вопрос: *Судя по Библии, человек в момент грехопадения был полноценней интеллектуально и эмоционально. Но как это*

совместить с постепенным ростом разума, развитием миропонимания?

Ответ : А я думаю, что не было постепенного роста разума, было постепенное привыкание к овладению окружающей средой. Вы понимаете, что это значит? Мы можем сказать, что если в XIX в. не знали теории относительности, то Пушкин был глупее нас с вами? Нет, не можем. Он был умнее нас с вами, и Достоевский был умнее нас с вами, и Платон... Хотя многих вещей, которыми мы с вами пользуемся, не думая об этом, они не знали. Поэтому, когда древний человек пользовался рубилом и жил в пещере, это не значит само по себе, что он глупее нас с вами. Надо посмотреть, как он чувствовал и во что верил. А я как-то пытался это показать вам в меру моих скромных сил. Те, кто не доверяет мне, пусть возьмут альбом верхнепалеолитической живописи, и тогда вы увидите, что он чувствовал не менее глубоко, чем мы, только иначе – опыт был иной, но не менее глубоко, а наверное, даже более глубоко, чем мы. Такого покаянного чувства, которое заставляло возводить вот эти Стоунхенджи. у нас сейчас с вами нет, а значит, мы примитивней того человека, а не совершеннее его, а вот в смысле организации внешней жизни, да, мы совершенней.

Теперь, что касается объема мозга.. Должен вас еще огорчить. Дело в том, что у неандертальца объем головного мозга больше, чем у современного человека. У современного человека объем мозга составляет где-то 1500 кубических сантиметров, у неандертальца – 1700 куб. см. Ну можно, конечно же, 100 раз говорить, что у него был большой мозг, но он не был задействован, но это уже, как говорится, чистая спекуляция, а вот то, что он был больше, это факт. Я думаю, что создать первую могилу, первое рубило и первое символическое изображение Бога право же намного сложнее, чем изобрести мягкую дискету.

Вопрос: *Спасутся ли люди из мегалитической культуры? В оккультизме тоже ищут высшую реальность и от многого ради этого отказываются, но они ведь не спасутся, значит, сам факт усилия не спасителен для человека?*

Ответ: Вы помните, как Антоний Великий, сам монах-пустынный, жил в полной аскезе. Он пошел как-то раз по каким-то делам в

Александрию и вдруг увидел там весь городской разврат, суету, бессмыслицу и, вернувшись, стал молиться Богу: «Господи, они же все погибли! Как же все эти люди! Они не спасутся». И так он скорбел о людях города, что объявил полный пост и сказал: «Я не сойду с этого места на скале под солнцем, пока Ты, Господи, мне не объяснишь, как же все эти люди, ну, грубо говоря, кроме меня или еще нескольких монахов, оставлены». И услышал он тогда голос Божий: «Антоний, Антоний, думай о своем спасении. О себе думай. Не мучься о том, как там». А потом дали ему такой опыт: он пошел в Александрию и встретил там людей намного более благочестивых, чем он, только живущих иначе.

Вы помните, есть такой замечательный момент в церковном богослужении, как богослужение Великой Субботы перед Пасхой, когда Христос сходит во ад. Вы помните, что после того, как Христа распяли, Он сходит во ад. Великая Суббота перед днем Пасхи – день таинственного молчания. Почитайте замечательное богослужение этого дня – стихиры Великой Субботы, где говорится о том, что Христос спускается во ад “во аде яко Бог”. Для чего он спускается в ад? Чтобы вывести из ада кого? Всех от века бывших праведников. Ну откуда же до Христа праведники? Кто это такие? Это все, кто жил с Богом; это все, кто искал Его; все, кто стремился к Нему; все, кто жертвовал собой ради Него. И вспомните еще одну вещь. В Евангелии есть замечательные слова. Сам Господь говорит, что когда придет на землю Сын Человеческий и все Святые Ангелы с Ним, тогда Он разделит всех грешников и праведников, как пастырь отделяет овец от козлов, и поставит одних по правую руку, а других – по левую руку, и Он спросит тех, кто – по правую руку, праведников: «Я был голоден, и вы накормили меня. Я алкал, и вы напоили меня. Я был в темнице, и вы посетили меня». И они скажут: «Господи, когда мы видели Тебя в темнице? Когда мы видели Тебя голодным или жаждущим?» И Он ответит: «То, что вы сделали одному из малых сих, вы сделали Мне. Придите ко мне, возлюбленные мои, наследуйте уготованное вам Царство от создания мира». А другим скажет: «Я жаждал, и вы не дали Мне пить. Я был в темнице, и вы не навестили Меня». И грешники Ему тоже скажут: «Господи, когда мы Тебя видели в темнице или голодным, или жаждущим?» А Он ответит им: «Ведь если вы не сделали это одному из малых сих, вы не сделали этого

Мне. Пойдите от Меня, проклятые, в муку вечную».

^ Лекция 2

Итак, я напомним, дорогие друзья, что вчера мы с вами говорили как бы о доисторических путях искания Бога, о том, что с глубочайшей древности человек пытался найти какие-то свои пути к возвращению в потерянный рай, но точно понять, как он искал, мы не можем, потому что нет главного памятника. Главным памятником духовной культуры является, конечно же, слово – слово произнесенное и слово написанное. Представьте себе на минуту, что от христианства (не дай, конечно же, Бог, чтобы это произошло на самом деле) не останется ни слов, ни книг. Тогда мы с большим трудом и в очень маленьком объеме сможем восстановить, как верили христиане. Вот в таком же положении находятся ученые, изучающие религии далекого прошлого. Но примерно 5 тыс. лет назад человек научился писать, человек освоил письмо, и это помогло нам взглянуть не только на то, как он верил и чем он жил, но и взглянуть на то, чему верили его предки, пока они не владели письменностью. Ведь понятно, что религия, в общем-то, очень консервативная форма культуры. Посмотрите, как много в нашей христианской традиции того, что уходит корнями в Византию, в первые века, а то и вообще в ветхозаветные элементы богослужения, ну, скажем, чтение или пение псалмов. Мы целые тысячелетия привязываем сейчас к сегодняшнему богослужению Церкви, и тот человек, который не просто стоит в храме и молится, но еще и знает историю молитвы, историю богослужения, ощущает как буквально вся история, вся культура веков сконцентрировалась в сегодняшнем религиозном действии. Таким же образом и, наверное, даже еще в большей степени (потому что наше время – это время довольно быстрых изменений) человек был традиционен тогда, когда он научился писать, и поэтому, читая первые письменные тексты, мы можем понять, во что верили люди за тысячелетия до того, как письмо появилось на свет. Следовательно, мы в какой-то степени можем понять, правильны ли были наши реконструкции той религиозной жизни, в которой жил доисторический человек.

Но прежде чем мы начнем наш разговор о вере ранней истории, на минуточку остановимся и посмотрим: а почему возникло письмо? Что заставило человека писать? На самом деле ответ на этот вопрос не прост. Это ведь не просто так получилось. Что же могло заставить писать? Самые ранние письменные формы очень короткие (они восходят ко второй половине IV тысячелетия до Р.Х., это приблизительно граница третьей и четвертой четверти IV тысячелетия). Это личные имена. Эти личные имена в Египте и Месопотамии писали на табличках, которые помещали в могилу умерших, т.е. это личные имена умерших. Их помещали не так, как сейчас у нас пишут на надгробье, чтобы другие люди знали; их помещали в могилы, где никто их никогда не прочтет. Но это было то имя, которым, по всей видимости, умерший должен был быть вызван к вечной жизни. Вы помните, как в Апокалипсисе говорится о том, что каждому спасшемуся будет дано новое имя на белом камне, которое никто не знает. Ведь имя – это очень важная часть личности. Мы, называя вещь, как бы вызываем ее из небытия к бытию, и поэтому для человека древности было очень важно, чтобы имя звучало. Те из нас, кто ходит в церковь, кто оставляет поминальные записки, знают, как важно, когда священник во время проскомидии вынимает частички за умерших, произнося при этом их имена.

Но мы же все знаем, что мы не вечны, дети наши не вечны, пройдет время, и забудутся имена. И вот древний человек, чтобы имя не забылось, стал выписывать звуки имени, и с этого времени появилось письмо. Несколько позже ему будет дано утилитарное употребление, скажем, в храмах стали указывать, куда и в каком количестве приносить жертвы в храмах, но когда мы сталкиваемся с первыми развернутыми текстами, то это опять же религиозные тексты и тексты заупокойные.

Первые развернутые тексты, которые дошли до нас в совершенно точной временной датировке, и мы не можем сомневаться в том, когда они были написаны, это так называемые египетские «Тексты Пирамид». Они писались в пирамидах царей 5-й и 6-й династий Древнего царства, это где-то 2400-2200 гг. до Р.Х. Эти тексты, если их собрать, образуют большую книгу. Они высекались в камне навечно. До этого гробницы не имели надписей, и тут эти надписи появились.

Главные надписи писались в камере, где лежало тело умершего царя. Эта камера, после того как вносили гроб с телом царя, полностью замуровывалась, в нее нельзя было войти. Тем не менее, она была покрыта вечными надписями, выбитыми в камне. Не забудем, что слово иероглиф означает в переводе – “священное начертание”. “Глифос” – это выбитый, это черта, т.е. то, что выбито в камне, отсюда происходит слово иероглиф. Теперь же ученые смогли прочесть эти надписи. Они переведены на многие языки мира, и сейчас в Москве делается их первый перевод на русский язык. Я должен вам сказать, что это тексты потрясающей силы. Конечно, в них надо войти, они писались для другой культуры, и сразу их так легко не возьмешь, но ведь сразу человек неверующий и Евангелие не прочтет. Обычно, когда так, от нечего делать, берут Евангелие, ломаются на первой главе – родословии Иисуса, когда идут имена, имена и имена, становится скучно, и Евангелие закрывается. Вот там вхождение в текст еще сложнее.

Но что мы видим в этих египетских текстах? Если суммировать, то в этих текстах говорится о победе над смертью и о телесном воскресении умершего человека. Ну, собственно, я по памяти приведу один отрывок текста на русском языке в переводе, который сейчас делается. Имя того царя, в гробнице которого сделан этот текст, – Тэтти. И вот так звучит этот текст: “Охо, Охо! Восстань, о Тэтти, собери кости свои, прими плоть твою, отряхни прах с членов твоих, прими питье твое, которое не прокисло и хлеб твой не испорченный плесенью. Встань, Тэтти! Взойди на Небо! Открыты для тебя врата Неба! Ты встал у дверей, закрытых для грешников. Врата открываются тебе! Привратник выходит к тебе. Ведет он тебя к Отцу твоему. Встречает тебя Отец твой, обнимает тебя, ласкает тебя, ставит тебя впереди всех воскресших, звезд негибнущих. Восстань, о Тэтти! Ты не подвержен смерти”. Вот это один из многих сотен текстов, которые включены в корпус «Текстов Пирамид». Конечно, не все тексты столь поэтичны. Некоторые из них содержат в себе служебные, ритуальные формулы, но суть их ясна. И суть их связана вот с чем. Суть их связана с ритуалами, в узком смысле этого слова. Мы часто употребляем слово ритуал. И, тем не менее, мы иногда не отдаем себе отчет, в чем смысл слова «ритуал». Слово ритуал в

нашем произношении восходит к древнему индоевропейскому корню “рита”. “Рита” – это ритм. Что такое «рита»? Это порядок мира, это строй мира, это установленный порядок бытия, сотворенного Богом. Человек понимал, что он вышел из этого порядка, что он разорвал установленный закон, ему надо вернуться в него. Как вернуться? Мы не знаем, какие приемы использовал человек в доисторическое время, совсем давно, мы о них можем только догадываться. Кое-что с трудом можно найти и в этих текстах, как полузабытое, но когда-то использовавшееся. Но когда человек эти тексты писал, он был одержим вот какой идеей: он должен, хотя бы на время, совершив определенные обряды очищения, стать вновь таким, каким он был до грехопадения. И тогда, в этом состоянии чистоты, хотя бы временной, он может молиться Богу, он может смотреть на Бога, он может ожидать, что если он умрет в этом состоянии, то достигнет соединения с Богом.

Суть ритуала заключалась в том, что человек воспроизводил те действия, которые были в мире богов, причем действия, связанные с победой над злом. Вы знаете, конечно, Библейскую историю грехопадения. Тогда человек поддался соблазну врага рода человеческого. И вот сутью ритуала было как бы проигрывание этой сцены, но наоборот, чтобы человек в ней отказывался следовать врагу рода человеческого, и напротив, побеждал его, причем не человек, а некоторое богоподобное существо. И вот в Древнем Египте такой моделью для победы над злом, служил миф о первом человеке, первом земнородном, которого именовали Озирис. Это получеловек, полубог, потому, что его отцом была Земля. У египтян все изменилось, у них мужским началом становится Земля, а женским началом становится Небо, и это не случайно. Итак, отцом Озириса является Геб – Земля, а матерью является Нут – Небо. Его, если угодно, предком, в некотором роде тоже отцом является сам Бог-Творец. Это существо – Озирис, является первым царем мира. Как первый царь мира, он, конечно же, хорошо правит всей Вселенной, но вызывает зависть у своего брата. И злобный брат с помощью различных ухищрений, в конечном счете, убивает его. На первый взгляд кажется, что зло восторжествовало. Но остается вдова умершего, одновременно жена и сестра его Изида. Она не только оплакивает своего погибшего мужа, но с помощью определенных

магических средств, какой-то силы, на мгновение оживляет его и оказывается способной зачать от него, уже умершего, сына. Рождается сын от умершего Озириса, и этот сын потом в схватке побеждает убийцу и оживляет своего умершего отца. Он дает ему жизнь. Причем схватка очень жестокая, и этому злобному брату Озириса во время схватки удается вырвать глаз у сына Озириса, Гора. Но этот глаз потом дается умершему отцу, и с помощью этого глаза он оживает. Здесь речь идет о каких-то образах, причем очень не простых. Специалисты по Египту много спорят по этому поводу, и нам сейчас нет возможности вдаваться в какие-то тонкости и подробности этого спора. Но важно то, что любой умерший считался Озирисом. И любой умерший, вкушая жертву, которая была символическим глазом его сына Гора, получал вечную жизнь, получал воскресение, причем воскресение телесное.

Египетская мумия - это образ как раз телесного воскресения умершего. Египтяне мумифицировали своих умерших, как бы желая показать: твое тело хранится в неприкосновенности. Кроме мумификации тел они делали статуи умерших с очень точным портретным сходством, и эти заупокойные статуи, кстати говоря, послужили началом современного скульптурного портрета. Делали такие статуи и ставили их внутри гробницы в замурованных камерах не для того, чтобы на них смотрели удивленные прохожие, а чтобы они были той моделью, по которой когда-нибудь в будущем восстановится тело.

Изучая книгу текстов Пирамид, мы совершенно ясно видим, что древние египтяне верили в телесное воскресение умерших. И еще очень важную вещь мы начинаем понимать, читая эту книгу. Мы понимаем, откуда возникла идея царской власти. Идея царской власти возникает тоже из этого принципа - ритуала. Дело в том, что любой человек, чтобы достичь какой-то земной цели (не говоря уже о целях высших, небесных) такой как богатство, здоровье, рождение наследника, совершал ритуальные действия, т.е., он на время входил в мир богов, совершая очищение, или просил специального жреца совершить это ритуальное действие; он был заказчиком ритуала. Он входил в мир богов, он там побеждал зло, которое мешает реализации всего доброго, и после этого доброе происходило в этом мире. Но

древний человек понял, что должно быть какое-то земное существо, которое постоянно находится в состоянии ритуальной чистоты, в состоянии ритуального действия, которое является как бы богом на земле, т.е. символическим отражением Бога на земле. И этим существом, находящимся постоянно в состоянии ритуальной чистоты, явился царь, т.е. появился институт царской власти. Ранее его не было. Царская власть возникает именно как религиозная функция, и такой она собственно остается до последнего времени. Как бы не упрощались царские ритуалы, даже современные монархи Европы сохраняют определенные священные функции, потому что когда-то в незапамятной древности царская власть возникает как чисто религиозное действо. Нас иногда смущает то, что в древности большинство царей не управляли в нашем смысле слова: всегда был первый министр, визирь, который занимался хозяйственными, административными делами, а царь был вроде бы был и не причем. Мы это иногда объясняем тем, что царей удалось оттеснить. Ничего подобного! Царь и не должен был заниматься административными делами. Главной задачей царя являлось религиозное действо. В Египте царь являлся единственным посредником между Богом и людьми, и все жрецы были его представителями, а политические функции выполняли министры. Но поскольку политика является тоже частью общей жизни, ну, если угодно, в некотором роде священнодействием, то, конечно же, царь активно участвовал в политической жизни, но именно в плане религиозного действия, а не чисто мирской деятельности.

Итак, все раннее государство, оказывается, направлено на идею спасения. Мы сейчас иногда, когда смотрим на картинки египетских пирамид, вслед за древними греками думаем: какие ужасные деспоты были эти египетские цари, как они жестоко заставляли свой народ строить себе такие невероятные, колоссальные гробницы. И только потом с удивлением узнаем, что никто не заставлял строить такие гробницы. Конечно, работа была организована, но это не был подневольный, рабский труд: люди строили гробницу вовсе не потому, что хотели угодить царю, они хотели угодить себе. Оказывается, что, являясь ритуальным богом, по представлениям древних, царь в себе, в своей плоти, спасал своих верных подданных. Те, кто были верны царю, как бы воплощенному ритуальному

божеству, вместе с ним шли в вечность. Царь являлся спасителем своих людей. Что это означает? Это означает то, что в природе царя древние видели соединение двух начал: чисто человеческого, подобного всем остальным людям, и божественного, и поэтому надеялись, что царь как бы перебрасывает собой мост из этого мира в мир вечности. Поэтому-то египтяне именовали царя богом; подобно Богу, царь именовался “нэчер” – “чистый Бог”. Именно поэтому гробница царя была как бы орудием спасения всего народа. И именно поэтому египетский царь раздавал своим верным подданным (в первую очередь министрам, близким ему людям, кого он знал, но также и любому отличившемуся египтянину) в виде отличия не звезду героя Древнего Египта, а элементы погребального ритуала: гроб, саркофаг и т.д. За счет государства строили гробницу, причем рядом с собственной царской гробницей, и этот дар считался самым дорогим. Почему так было? Потому что не так важно получить звезду на шею, а намного важнее получить уверенность в том, что ты будешь с царем в вечности, И между тем тексты пирамид ясно говорят о том, что царь спасает верных своих, как член плоти своей, т.е. он их спасает, как часть своей плоти.

Когда мы сейчас читаем Евангелие, мы иногда не понимаем или принимаем за красивый эпитет, когда Иисуса именуют Царем. Когда Нафанаил воскликнул: “О, Равви, Ты Царь Израилев!”, мы это понимаем, как просто красивую фигурную речь. Однако для древнего иудея, как и для любого древнего восточного человека, понятие царь было вовсе не просто элементом риторического подъема фразы, как для нас. Для них царь был спасителем. Другое дело, что евреи не верили в то, что земной царь может спасти. Но весь Восток верил. И когда в псалме Давида говорится о «Не надейтесь на людей и князя человеческие, в них же несть спасения», то Давид ясно указывал, что вокруг него другие народы надеются на это. Конечно, с нашей с вами сегодняшней точки зрения это была ошибка, но ошибка характерная. Дело в том, что древние ошибались не существенно, а, если угодно, во временном смысле. Для них каждый их правитель был их спасителем. Но на самом деле их правитель был лишь образом, отблеском того Спасителя, который должен был придти, того истинного Царя, Царство Которого не от мира сего. Это не то, что хитрый фараон использовал это в своих идеологических целях. Конечно, люди всякие

есть. Наверное, и цари всякие были: были хитрые, коварные, гадкие, а были очень достойные. Но важен факт: люди, когда уповали на то, что через царя они получат спасение, тем самым фактически ожидали грядущего Мессию, обманываясь во временах и сроках. Таков был путь Египта. И царь, надо вам сказать, приносил жертвы за всех умерших египтян. Конечно, не сам приносил, от его имени приносила огромная армия жрецов. Но была погребальная формула: приносит царь жертву за такого-то человека. На самом деле царь этого человека и в глаза никогда не видел и имени его не знал, но каким-то определенным способом, символически, этот простолюдин и царь связывались жертвой. Это показывает, что египтяне верили в царя как спасителя. В титул любого царя входило имя Гора, сына Озириса, и понятно почему. Как Гор – сын Озириса, оживил своего отца, также царь оживляет любого умершего, дает ему вечную жизнь. Вот это – основное в религии Египта. Если огромную религию Египта свести к одному зерну, то это зерно заключено именно в даровании вечной жизни.

Но перед нами теперь встает еще один вопрос, опять же связанный с древними народами. Нас всех учили в школе, что тот же Египет, та же Месопотамия, были странами, где была масса богов. Надо вам сказать, что первое сомнение в многобожии этих народов зарождается, когда начинаем изучать современную Индию, потому что в некотором роде современная Индия очень похожа на Древний Египет. На первый взгляд там тоже масса богов, сотни статуй, имен, изображений, часто совершенно шокирующих, и народ действительно поклоняется сотням богов. Но как только вы спросите современного образованного индийца, действительно верующего индуиста, или прочтете какой-нибудь серьезный индийский текст, даже трехтысячелетней давности, то вы узнаете, что все эти боги – это не что иное, как проявления энергии единого Бога Творца и более ничего. Другое дело, что эти энергии персонифицируются, что для нас непривычно. Но если бы мы, скажем, благодать Бога, Его силу, Его мудрость стали бы персонифицировать, то получили бы тот же пантеон. Но нигде: ни в Египте, ни в Месопотамии, ни в Индии – боги никогда не находятся в таких отношениях конфликта, как в Древней Греции. Это не какая-то мифологическая игра. Это именно проявление единой силы в ее многообразии. О Греции мы поговорим

чуть позже. Дело в том, что наши представления о многобожии сформировались под влиянием той греческой религии, которую донес до нас Гомер и Гесиод. Но это своеобразная религия, она непохожа на другие религии Древнего Мира.

Что же касается Египта, то до нас дошло довольно много текстов о единобожии, например, знаменитый Лейбницкий папирус, где прямо говорится, что есть один Бог-Творец, Который «из ничего сотворил мир, сотворил его». Когда этот текст был открыт, ученые были потрясены. А дело в том, что в Британском музее довольно долго, со времен походов Наполеона в Египет, лежал огромный камень из черного гранита. Этот огромный гранитный камень использовался современными египетскими крестьянами в качестве мельничного жернова для водяной мельницы, но такой был крепкий гранит, что на нем без труда ученые прочли древнеегипетские иероглифы. Явно, что этот камень когда-то имел лучшее предназначение. Только в 1901 г. английский ученый Брэстед смог прочесть текст.

К сожалению, то, что было ближе к отверстию, через которое был продет жернов, стерлось совсем, но по краям текст сохранился полностью и читается довольно легко. Это знаменитый теперь среди египтологов “Мемфисский богословский трактат”. Он был сделан в VII веке до Р.Х., но язык и все, что связано с этим текстом, ясно говорит нам о том, что это текст, созданный две с половиной тысячи лет назад, просто переписанный несколько раз. Ну, предположим, если сейчас кто-нибудь возьмет Библию современного типографского издания, он же не будет думать, что Библия написана тогда, когда напечатана эта книга. Совершенно ясно, что это перепечатка, даже перевод на новый язык того, что давным-давно было написано в Древней Иудее, если это Ветхий Завет. Вот приблизительно такая же история этого камня. Когда Брэстед перевел этот текст и впервые опубликовал его в немецком египтологическом журнале, весь ученый мир был потрясен. В этом тексте говорилось о том, что “Бог-Творец замыслил все в сердце, произнес своим языком, и все стало, и все появилось на свет”. «Мы, – писал Брэстед – раньше думали, что это греческая философия ввела понятие Логоса – творящего Слова». Надо сказать, что понятие Логоса, как творящего Слова до Евангелия в греческой послеплатоновской философии – это довольно обычный

образ. Оказалось, что греки не обманывали, когда говорили, что они всему научились у египтян. Все это действительно было в египетском тексте, за много тысяч лет до греков это было уже произнесено. Итак, оказывается, что о величайшей истине о творении мира из ничего Словом (“замыслил в сердце и произнес языком”) египтяне уже знали, а возможно об этом знали задолго до египтян, но только впервые это было написано здесь.

Итак, мы понимаем, что если исследовать эти древнейшие письменные тексты (а древнейшая письменность – это Египет и Месопотамия), то мы увидим, что человек, написавший их, был бесконечно мудр. Он иначе мыслил, чем мы. Его богословие было иным – это было богословие образа, а не богословие формулы. Наше богословие формулы появилось в результате знакомства Отцов Церкви с греческой классической философией и с диалектическим методом.

Но, тем не менее, у древних было глубочайшее знание. Другое дело, и самая, быть может, главная ошибка древности была не в том, что они были многобожниками: они не были многобожниками, они верили в Единого Бога-Творца, они также верили в воскресение, победу над смертью. Ошибка была в том, что они переносили на конкретного ритуального бога-человека то, что должно было случиться когда-то в будущем. Но, может быть, они и знали, что это должно будет случиться когда-то в будущем, и понимали, что этот ритуальный богочеловек (реальный египетский или шумерский царь) – лишь символ, но символ эпифанический, т. е. не просто изображение, но одновременно и какая-то предреализация того, что должно быть в будущем. В любом случае мы можем сказать, что древний человек жил напряженной идеей спасения. Если в Египте была традиция: царя Гора, спасающего своего умершего отца Озириса, то иная модель была в Месопотамии. Это модель, которая в последующем очень смущала и греческих писателей, и языческих и ранних христианских авторов.

Дело в том, что в Месопотамии появилась идея так называемого священного брака (“иерогамос” – священный брак). В чем был его смысл? Дело в том, что главной ритуальной моделью в Месопотамии был миф об Иннанае и Думузи. Иннана – это царица Неба, это

божественное существо, дочь, как ее называли, и одновременно супруга, высшего Небесного Бога (т.е. это явно какая-то женская энергия). Итак, Иннана вступает в брак с земным человеком Думузи. В результате этого брака происходит так, что Иннана приводит к тому, что Думузи не умирает полностью, что он как бы часть времени проводит в подземном мире, а потом он часть времени проводит в мире богов, т. е. смерть, которая владеет человеком всецело, разрушена. И почему разрушена? Потому, что Думузи реальный муж Иннаны, и поскольку муж и жена становятся одной плотью, они передают друг другу свои качества. Помните библейское высказывание: “И оставит человек отца и мать свою и прилепится к жене, и будут двое одна плоть”. Итак, Думузи получает божественные качества, потому, что он становится мужем божественного существа.

Эта логика приводит к тому, что в Месопотамии царь каждого города ежегодно в новогодний праздник (а новогодний праздник, это праздник возобновления бытия, каждый год это все бытие как бы кончается и потом возобновляется вновь) вступает в священный брак с верховной жрицей Иннаны, которая символизирует собой саму богиню. Не надо думать, что в этом браке был какой-то там эротический, сексуальный момент. Царь имел гарем, и ему соединиться с какой-то другой женщиной раз в год особого интереса не было. Это было чисто религиозное действие. Но брак был соединением природ: человеческая и божественная природы соединялись в этом браке. И царь, как человек, соединяясь в браке со жрицей, как богиней, тем самым соединял весь народ, весь свой город. Он был посредником между миром богов и миром людей, но иным, чем в Египте.

Вот эти две формы, каждая из которых является своеобразной, сохранились на протяжении многих веков. Однако где-то на грани II и III тысячелетий эти ритуальные культуры переживают глубочайший кризис. Происходит нечто подобное современным революциям. Такая революция в Египте дошла до нас в известном тексте – “Речение Ипуэра”. Этот текст переведен на русский язык академиком Карастовцевым, и те, кто хочет, могут его прочесть, хотя кое-где академик увлекся красотами смысла и перевел не очень точно, но в целом текст переведен хорошо. Это ужасная гражданская революция,

это страшная катастрофа, которую пережил Египет. Историки прекрасно ее знают. Она читается и в памятниках. Примерно на протяжении 300 лет была эпоха безвременья, так что мы с вами можем быть оптимистами. Это была эпоха, когда были уничтожены царские гробницы, сожжены мумии царей, разграблены и уничтожены храмы. Жрец Ипуэр, очевидец этих событий, восклицает: “Тайны страны умерших раскрыты. Те, кто обладали властью стали ничем; те, кто были ничем, стали обладать всем. Жизнь повернулась подобно гончарному кругу”. Здесь академик Карастовцев перевел не совсем точно, и этот перевод вошел в школьные учебники: “И жизнь перевернулась подобно гончарному кругу”. Но гончарный круг, как известно, не переворачивается, а поворачивается. Итак, жизнь повернулась полностью. Но потом произошла стабилизация.

А в чем причина революции? Да, в Месопотамии было нечто похожее, но поскольку там это была не чисто гражданская катастрофа, а одновременно было и нашествие варваров, то в какой-то степени можно списать этот факт на внешнюю катастрофу, что всегда проще. Но в Египте – это типичная гражданская война, гражданская катастрофа.

В чем же причина? Любая, надо вам сказать, гражданская катастрофа такого масштаба происходит не просто из-за борьбы за власть. Когда поднимается вся масса народа, всегда в этом есть какая-то духовная причина. И эта духовная причина была и в Египте. Мы можем только догадываться, потому что никто из тогдашних людей не проанализировал это глубоко и мировоззренчески. Жрец Ипуэр скорее описал это событие, и, как сторонник традиционного хода вещей, ужаснулся им. Еще такое же описание событий дошло до нас в пророчестве Нефертити. Это тоже интересный текст, касающийся той же эпохи. Но, исходя из большой суммы данных, можно реконструировать следующую духовную картину.

Вера в то, что царь спасает, оказалась поколебленной. Царь оказался обычным человеком, слабым существом, которое не дает надежды на спасение. Во многом это было и с этикой. Даже в речения Ипуэра по поводу царя есть обличение, что для Египта совершенно не свойственно: “Ты, – говорит он, – правитель, в твоих руках сила, власть и мудрость, а ты все это упустил. Ты оставил страну на

разграбление. Ты не сохранил единство страны, ты сам не сохранил того порядка в себе, который мог быть сохранен в стране”.

Оказывается, ритуальный бог-царь должен был постоянно в себе воспроизводить правильные ритуальные формы. Вы знаете, что для монарха до последнего времени сохраняется так называемый царский ритуал. Ну, я думаю, что даже любому из вас, встретившись случайно, скажем, с английской королевой, не придет в голову подойти к ней и сказать: «Ну, как там поживаешь, здорово» или пожать ей руку. Будет какое-то естественное благоговение перед королем. Как вы помните, когда в Австралии однажды встречали королеву Елизавету Вторую, премьер-министр Австралии ее чуть приобнял за талию, чтобы просто где-то поддержать, когда она оступилась (такой, знаете, чисто инстинктивный

жест), и ему после этого пришлось подавать в отставку. Есть вещи, которые нельзя делать даже с современным совершенно секуляризованным монархом. И точно также в древности монарх весь был скован ритуальными ограничениями. Он во всем должен воспроизводить все как бы божественное, он должен был быть чужд всякому земному. А человек, имеющий колоссальную власть, очень слаб, он все-таки очень человек. И это, по-видимому, привело к кризису веры в то, что царь спасает. Именно это вызвало крах древнеегипетской монархии, потом монархия восстановилась, и формально вся титулатура осталась, но внутренне уже никто не верил серьезно в то, что царь является спасителем. Это ушло, осталась только форма. И после этого навсегда прекратили строить пирамиды, строили намного более скромные гробницы. Народ уже нельзя было поднять на эти гигантские дела.

В мире намечается как бы новое видение, не ритуальное спасение, не спасение через уподобление какому-то действию в мире богов, образом которого является царь, а нечто иное. Сначала это появляется в Египте, в Месопотамии, позднее распространяется на периферию культурного мира и захватывает почти все страны.

Это время перехода – транзycji – занимает почти все второе тысячелетие. Это был непростой процесс. Суть его состояла в следующем. Дело в том, что человек обнаруживает в себе нечто божественное, некую божественную частицу. Может быть, это знание было и раньше. Но, безусловно, оно связано с углубленной молитвой. Опыт молитвы всегда, в любой культуре, в любой традиции, открывает в человеке некую божественную искру. Она всегда есть. И человек начинает понимать, что вот все громоздкие формы, все огромные государственные формы, созданные для спасения, вроде бы

и не очень нужны, что основа спасения находится в глубине сердца, что сутью спасения является не верность царю, а верность Богу, Творцу, а царь это просто правитель, не более того. С этой мыслью входит в историю еврейский народ. Но одновременно эта мысль глубоко поражает культуры Южной Азии. Египет и Месопотамия, как страны очень древние, с устоявшимися цивилизациями, тоже пережили этот кризис. Появился ряд интереснейших скептических текстов, где люди как бы выражают сомнение в вечной жизни вообще. Что касается Египта, то я всегда вспоминаю такой замечательный текст: это заупокойная стела жены верховного жреца города Мемфиса. Женщина умерла довольно молодой, 34 лет, и она оставила (это в Египте было принято) речь, которую она сказала перед смертью. Возможно, это был подлинный текст, возможно, некоторая стилизация, этого мы ни когда не узнаем. Но этот текст удивителен: “О, мой муж, супруг, друг! Ешь, пей, наслаждайся жизнью, радуйся всему. Ведь страна мрака, в которую я ушла, – это страна без возврата. В ней нет счастья, в ней нет радости”. Кажется, вначале полный пессимизм, и вы не забудьте, что она жена верховного жреца, не абы кто, и это честный текст, видимо, так действительно переживали тогда многие. Однако вдруг, вслед за этим, в этом же тексте удивительный прорыв надежды: “...поверни лицо мое к северному ветру (а в Египте северный ветер со стороны Средиземного моря всегда приносил прохладу и дождь в отличие от иссушающих пустынных ветров), дай мне вздохнуть эту свежесть жизни. Может быть, я еще воскресну...”. Это было время глубочайшего скепсиса, глубочайшего сомнения. Я это рассказываю потому, что, наверное, человечество никогда не шло гладкой дорогой, оно всегда оступалось, сомневалось, мучилось, вставало и шло дальше.

Еще один замечательный текст из Египта, это так называемое 125-е речение “Книги Мертвых”. «Книга Мертвых» появилась где-то через 1000 лет после «Текстов Пирамид» и прочно вошла в народную традицию. Тексты «Книги Мертвых» записывались на папирусе и вкладывались в те ткани, которыми пеленали мертвые тела. Эти тексты дошли до нас в огромном количестве благодаря тому, что сухой климат Египта сохраняет папирус, так же, собственно говоря, как и тела умерших. И вот в 125-й главе «Книги Мертвых», которая

была найдена на нескольких телах, мы встречаем очень интересный текст. Умерший, естественно, оказывается в ином мире после смерти. И он говорит: “Как здесь темно, как здесь беспросветно. Здесь нет ни хлеба, ни питья и нет здесь утех любви». В ответ на это Верховный Бог ему говорит: “Я даровал тебе вечность вместо хлеба и питья, вечную радость вместо утех любви, покойся в мире”. Этот текст тоже конфликт, но конфликт разрешенный. И мы понимаем, что все второе тысячелетие продолжается вот эта борьба – борьба двух начал. Надо сказать, что для Египта это борьба кончается только христианизацией страны. Во II в. после Р.Х. первой из всех стран мира Египет становится целиком христианским. Языческой остается только греческая Александрия. А обычные феллахи Египта, обычные земледельцы, видимо, малообразованные, а то и вовсе необразованные люди, становятся ядром и центром египетского монашества. Конечно, без многотысячелетней подготовки души, без тех запросов, которые формировала дохристианская религиозная традиция с ее скепсисом, сомнениями и находками, такой быстрой христианизации быть не могло. Пришел истинный Царь – Тот, Кого ждали в Египте на протяжении тысячелетий, Тот, Кто действительно побеждает смерть. Пришел Тот, Кто есть действительный посредник, и народ узнал своего Царя. И Египет перешел в христианство.

А вот в Южной Азии процесс пошел по другому пути. Там тоже в глубочайшей древности была вера в личное воскресение, телесное воскресение, хотя царской власти там не было, но было упование на то, что, участвуя в ритуале, человек как бы воспроизводит ту победу над смертью, которую осуществил когда-то Бог. Речь идет о Ведах – древнейшем уровне индийской религии. Вы знаете, что Веды – это тексты, вернее, суммы гимнов, которые на протяжении многих тысячелетий устно передавались из поколения в поколение. Веды вообще было запрещено записывать, поскольку священный текст нельзя было предавать мертвой букве. И чтобы эти Веды сохранялись, была, собственно говоря, разработана целая социальная структура древнеарийского общества, к которому в некотором роде генетически принадлежим и мы с вами – русские. Потому что русский народ, вообще, как и народы славянские, – это один из народов индоевропейской семьи языков.

Примерно около 5 тыс. лет назад происходит какой-то непонятный этнический процесс, в результате которого арийские племена начинают быстро распространяться на просторах Евразии. Одни пошли в Западную Европу и достигли Атлантического океана, и современное государство Ирландия, на родном своем кельтском языке – называется «эйрэ» – это не что иное, как «страна ариев», «эйрэ» – арии. Другие пошли на юг, и греческий мир – Греция и Малая Азия – тоже были завоеваны ариями. А третьи пошли на Восток: одни ушли в Иран, и в Иране образовалась страна Иран (Арьян-Шахр – «страна ариев»), а другие пошли еще дальше на юго-восток и, перейдя Инд, вышли к южным предгорьям Гималаев (современный Пенджаб). Они завоевали и покорили древние доарийские государства Инда, – государства, которые были открыты только в XX веке, и принесли на просторы Инда древнюю ведическую религию. Ну, я не буду вам рассказывать о том, как было организовано ведийское общество, но оно все было удивительным образом все приспособлено для передачи Вед. Те из вас, кто занимались историей, знают, что в римском обществе было такое понятие “триба” – это три группы, соединенные вместе. Вот отсюда, кстати говоря, английское слово трайболизм – это первобытнообщинный строй. Слово «триба» не однозначно понимаю слова «племя». Наше слово «племя» – это те люди, которые произошли от одного предка, которые все вышли как бы из одной утробы, из одного чрева, в конечном счете. А “триба” как раз предполагает наличие трех различных групп, каждая из которых родственно не соединена с другой, но они живут совместно, выполняя одну определенную задачу. Триба состоит из группы священников, из группы воинов, из группы землевладельцев и простых домохозяек.

Священники есть главные хранители традиций племени, традиций трибы. Именно священники должны были заучивать корпус Вед и передавать его из поколения в поколение. Другие сословия тоже их учили, но не в полном объеме. Корпус Вед составляет немалый объем. Немного отвлечемся. Выясним, что такое Веда? Слово “Веда” – это наше слово «ведать». «Ведать» – значит знать, но не знать в нашем обычном смысле слова, что человек знает, например, английский язык, математику, Ведать, изведать – значит соединиться с объектом знания, стать с ним единым целым. Ведать – значит получить

священное единство с тем, что ты изучил. Отсюда наши слова “ведун”, “колдун”. Они тоже происходят из этих же корней. Веда – это очень высокий уровень соединения с объектом познания, чуть ли не брачное единство с ним. Итак, корпус Вед состоит из 4-х памятников. Сейчас на русский язык завершается полный перевод наиболее крупной и наиболее известной Вед, это Ригведа. Ригведа – “Веда песен”, занимает три тома. Поскольку Вед четыре, то томов должно быть 12. Поскольку Веда с самого начала использовались с комментариями, то в итоге количество томов расплывается до большой библиотеки. Арии не писали вообще, у них не было письменности, все запоминалось наизусть, причем запоминалось так, что когда впервые Веда были записаны, а записаны они были после рождения Христа, то записанные в разных концах Индии, они не отличались даже запятыми, т.е. была абсолютно адекватная передача огромного корпуса текстов. Понятно, чтобы такой текст передавать, необходимо было подчинить этому все задачи жизни. Если мегалитическая культура вся ориентировалась на строительство заупокойных памятников, то не меньшее усилие наши предки употребляли на то, чтобы сохранить определенные гимны, которые по их глубокому убеждению были даром Бога – «шрути», т. е. “услышанное”, то, что было услышано какими-то древними мудрецами от самого Бога. Представьте себе, что такое выучить одну Библию наизусть. А тут по объему текста во много раз больше Библии. Для того чтобы это выучить, ученичество для священников продолжалось с 7 лет до 21 года. Все это время мальчики, а потом юноши должны были находиться в доме учителя и учить эти тексты наизусть с его слов и при этом учить их употребление. Ну, что же это были за удивительные тексты, которые требовали такого к себе отношения, ради которых собственно и существовало общество? «Общество существует благодаря Ведам, мир существует благодаря Ведам», – говорили древние индо-арии. Что за такие удивительные тексты? Когда мы сейчас найдем и начнем читать русский перевод Ригведы, нас это очень разочарует. Мы увидим, что это какие-то не очень понятные события в мире богов, на которые намекает и о которых очень редко говорит прямо древний поэт. «Ну, стоило ли ради этого огород городить?» – спросим мы. Ну, конечно, если это тексты только для того, чтобы удивить, порадовать или успокоить

душу, не стоило. Но, если эти тексты связаны с последней победой над врагом, т. е. смертью, то какова та цена, которую жалко заплатить за победу над смертью? Такой цены нет.

Как же помогали эти древние тексты победить смерть? Опять же мы встречаемся с тем же самым ритуалом, но без царского элемента. Возьмем классический гимн. Это 32-й гимн 1-й мандалы (первого круга Ригведы), гимн, в котором описывается, как Индра побеждает чудовище Вритру. Индра – это один из тех существ, которые древние индийцы называли “агити” – “беспредельный”, так они наименовали богов. Они беспредельны, они все есть энергия единого |Бога, которого именуют Аджа – «нерожденный». Наше слово генезис (отсюда и генетика, ген) – это поздние греческие реплики индоевропейского слова “джа” – «рождаться», «появляться». А – отрицательная частица, в результате «Аджа» – «нерожденный». Так именovali в глубочайшей древности Творца Мира, Бога-Творца, в Индии. Все боги, все «агити», все беспредельные – это проявление энергии Творца, не более того. Но каждый из них имеет как бы личный образ и действует, если угодно, автономно от остальных, и в то же время они никогда не вступают в конфликтные отношения друг с другом, как, скажем, греческие боги. Итак, Индра (а слово “Индра” опять же индоевропейского происхождения и является однокоренным словом с нашим словом «ядренный», т.е. крепкий, здоровый) – это образ силы, Он вступает в бой с чудовищем, имя которого Вритра (Вритра, на санскрите – это преграда, плотина). Это чудовище лежит и не пускает воды человеческие в небесный мир, а воды небесные не пускает в мир человеческий. Это чудовище как бы легло таким средоточием между миром богов и миром людей. Что это такое? Это чудовище описывают в виде змея. Хотя, конечно же, вы понимаете, что образ змея – это поэтический образ; на самом деле это некоторое метафизическое понятие. Итак, Индра сражается с Вритрой и убивает его, и после этого воды человеческие начинают свободно течь в Небо, т. е. умершие могут восходить на Небо, а Божественная Благодать может нисходить в мир. Главный эпитет Индры – Вритра-хан, т.е. убийца Вритры.

Теперь посмотрим, как этот гимн превращается в ритуальную форму. Каждый жрец, читая этот гимн, одновременно держит в уме то, что

сделал Индра, чтобы освободить людей и уничтожить преграду, и совершает определенные, четко фиксированные действия, которые символически изображают действия Индры по убийству Вритры. Таким образом, зло, которое мешает человеку соединиться с миром богов, уничтожается на время совершения ритуала. И поэтому та цель, то желание, которое имеет заказчик ритуала, реализуется. Это могут быть земные вещи, это может быть победа над смертью и возможность войти в вечность.

Древние индийцы, судя по тому, что они хоронили своих умерших после их кремации в курганах, а также судя по целому ряду заупокойных гимнов, которые дошли до нас в Ведах, верили в то, что умершие после того, как они победят смерть, войдут в мир вечности, в запредельную даль, как именовали мир божественной вечности древние арии – Варах-Параватах – «запредельная даль». И вот этот скепсис, который поразил Египет и Месопотамию, коснулся и индийских племен, только несколько позже, где-то на грани 1200 года до Р.Х. Но если Египет и Месопотамия как-то переболели этим, и, в общем-то, не пленились отбрасыванием ритуала настолько, чтобы вместе с ним отбросить идею телесного воскресения и идею уникальности жизни, то с Индией все было иначе. Былая периферия человечества становится центром новой совокупности религиозных идей. Эти религиозные идеи рождаются в кругу, как мы сказали бы, монашествующих.

Дело в том, что в Индии к разделению общества на три группы – на трибы, потом, когда они пришли в Индию, добавилась четвертая, четвертая каста. Каста – это европейское слово, португальское, сами индийцы именуют их варной цвета. Четвертая варна, которой раньше не было, – это шудры, это слуги. Вот шудрам запрещалось изучать Веда, а трем высшим кастам разрешалось. Кроме этого учения о 4-х кастах, в Индии существовало учение о 4-х так называемых ашрамах (отсюда наше слово храм), т.е. о четырех этапах жизни человека. Каждый человек должен был проходить в своей жизни 4 этапа в отношениях с божественным миром. Первый этап – это ученичество от 7 лет до 21 года у священников, когда ученик давал обет полного послушания учителю и полного полового воздержания, полного целомудрия. Вторым этапом – это этап домохозяина. В 21 год он, уже

всему наученный, возвращался в свою деревню от учителя. К этому времени родители подыскивали ему невесту, он женился и начинал жизнь домохозяина. Человек продолжает совершать обряды, ритуалы, но он рождает детей, работает. Этот период продолжается примерно где-то лет 60, причем делится на два этапа. Первый этап, лет до 40, – это время рождения детей и, если угодно, чисто домашней и хозяйственной деятельности, а время от 40 до 60 лет – это продолжение супружеской жизни, после этого могут родиться еще дети, но главное внимание уделяется уже на общественные дела. Таким образом, от 40 до 60 лет человек должен заниматься делами своей деревни, быть в составе деревенских старост. Ну, а если он человек из более известной семьи, он может идти на более высокий уровень управленческой структуры. Но примерно в 60 лет все это кончается (здесь четких сроков нет, считается, что он должен увидеть сына своего сына – внука, уже выросшего, уже пришедшего из ученичества). После этого этому достойному господину полагается передать огонь домашнего очага, на котором совершаются жертвоприношения, старшему сыну, а самому уйти в лесной монастырь. Глупо и не нужно всю жизнь жить в деревне, в какой-то момент надо оставить хозяйство и заниматься в основном молитвой. И можно уйти со своей, понятно, немолодой женой и жить вместе в этом лесном монастыре рядом с такими же домиками других лесных монахов. Это третье состояние – состояние лесного монашества, общинного монашества. Эти лесные монахи разводят свои огороды и, в основном, являются учителями для подрастающих будущих священников. Однако это еще не конец. Далекое не всем, но тем, кто чувствует в себе еще большее стремление к духовному росту, можно совершить последний шаг – можно стать бродячим одиноким отшельником или, как говорят в Индии, саньяси. Такой человек отказывается и от дома, и от своей супруги, и от сообщества отшельников. Он дает обет вечно быть в пути, нигде не жить больше трех дней, никогда не произносить ни одного слова кроме слова молитвы, т. е. только беседа с Богом, никаких бесед с людьми; только своим духовным детям можно давать наставления, но ничего, никогда не просить и, естественно, не производить никакой пищи. Такой странствующий монах идет молча с чашей для подаяния из деревни в деревню: что ему кладут в чашу, то он и ест. Этот обычай существует

до сих пор, и многие индийские министры и государственные секретари заканчивают свою жизнь бродячими монахами на дороге. Начинается совершенно нормальная форма завершения человеческого существования. Причем желательна, когда все положено (а кладут в блюдо, понятно, разное: кто положит сладкую рисовую кашу, кто острый, наперченный, овощ), все это вместе положить в одну чашу, выйти за пределы деревни, смешать с речной водой в один ком и запихнуть в рот, чтобы не получить никакого удовлетворения от еды. Вот это принципы саньясы. Многие министры так заканчивали свою жизнь, и это считалось нормальным.

Но почему я здесь об этом рассказываю? Дело в том, что как раз в лесных монастырях Индии, среди не саньяси, а вот этих “ванапрастха” – лесных отшельников появляется новое учение. Это учение отчасти мы встречаем в других культурах, но здесь оно достигает очень большей силы. Оно заключается в том, что на самом деле Веды – это чепуха, что Веды учат внешним действиям, внешним ритуалам, а на самом деле Бог всегда внутри человека. Человеческий дух («Атман») тождественен “Аджа” – Богу-Творцу, которого к этому времени начинают именовать “Брахман”, т.е. Атман равен Брахман, тождественен Брахману – “ты еси То”, на санскрите – “та твам Аси”. Чувствуете похожесть славянского языка и санскрита? Брахман и Атман тождественны. Какой из этого делается вывод? Из этого делается следующий вывод, что весь этот мир – это иллюзия; весь этот мир – это лишь прельщение. Причем не только внешний мир, но само твое тело, сами твои чувства, сама твоя самость – это все иллюзия. Это все только мешает, это все только привязывает человека к этому земному миру. Как говорится в одном индийском тексте, надо “разрубить узлы”, надо освободиться.

Тексты, в которых рассказывается об этом новом учении (они, кстати, тоже переведены на русский язык) – это Упанишады. Слово Упанишады происходит от индийских, санскритских корней – “упанисад”, что значит “сидение у”, имеется в виду у ног учителя. Так сидит ученик у ног учителя: учитель сидит на низкой скамейке, ученик на циновке рядом с его ногами и задает ему вопросы. Все Упанишады – это всегда диалог, диалог учителя и ученика. В действительности это могут быть самые разные диалоги. Это может

быть действительно диалог учителя и ученика, это может быть диалог царя и подданного, это может быть диалог Бога и человека и, наконец, диалог мужа и жены, сына и отца. Некоторые Упанишады достигают большого художественного совершенства.

Сутью упанишадистского учения является та истина, что человек должен, отбросив свою личность, соединиться с Брахманом, с Аджа, с Абсолютным Божественным бытием, но ценой отказа от себя: не только от своего тела, но и от своей личности. Это прекрасно выражено в тексте, который вошел в одну из самых древних Упанишад – в Брихадараньяху Упанишаду – “Лесную Упанишаду”. В этом тексте рассказывается, что был такой мудрец Яджнавалке. Он довольно часто фигурирует в Индии, даже есть книга Яджнавалке. У него было две жены Майтрейя и Катьянь. С Майтрейей можно было говорить о Брахмане, т.е. о Боге, с Катьянь можно было говорить о том, о чем можно говорить с обычной женщиной. И вот наступил момент, когда Яджнавалке решил стать лесным отшельником – бонопрастхом. Он не берет с собой своих жен, он решил жить отдельно, в связи с этим он решил разделить между ними свое имущество, а имущество, видимо, было немаленьким.

И вот он обращается к Майтрейе и говорит: “Госпожа, я решил оставить это состояние и перейти к иному, и хочу разделить свое имение между тобой и Катьянь”. И Майтрейя спрашивает: “Скажи мне, господин, если я получу богатство, стану ли я бессмертной?»

-Нет, Майтрейя, ты станешь подобна тем, кто имеет богатство, но нельзя достичь бессмертия с помощью богатства.

- Так зачем же мне то, что не делает меня бессмертной? Нет, господин, ты мне лучше расскажи о том, что дает вечность.

- Ты и раньше мне была особенно дорога, госпожа, а теперь стала еще дороже. Послушай же о бессмертном и вечном. Не ради мужа дорог муж, но ради Атмана. Все остальное также: не ради сыновей дороги сыновья, не ради Вед дороги Веды, а ради Атмана дороги Веды, и надо забыть, все надо отбросить, только ценить одно – Атман, только Дух – это единственная ценность. Это единственное, что спасает. Все остальное ценно постольку, поскольку оно принимается через Атмана. Нет ощущения Духа, все остальное без духа можно отбросить

без оглядки.

Он дает целый ряд примеров, очень ярких, очень наглядных и завершает свой диалог так: “Итак, дорогая, только об Атмане надо думать, только Атмана надо сознать, только Атман надо любить, только к Атману надо стремиться. Нет после смерти сознания”. И вот тут-то бедная Майтрейя развела руками: она была такой приличной, ведически образованной женщиной, очень благочестивой. Конечно, она надеялась пойти в эту беспредельную даль Парах Параватах и считала, что муж объяснит ей, как это сделать лучше, и тут он говорит, что нет после смерти сознания.

- Ты меня смутил, господин, своими словами.

- Воистину, я не говорю ничего смущающего, Майтрейя. Ведь когда есть двое, то один сознает другого, то один ощущает другого, то один вкушает другого, то один познает другого. Но когда все для тебя стало Атманом, то что и как ты сможешь сознать, то что и как ты сможешь обонять, то что и как ты сможешь любить, ведь ты же с Ним стала одно целое.

Действительно, слово сознание на самом деле предполагает наличие двух, Слова содружество, сожителство всегда предполагают наличие двух, которые существуют вместе. Сознание, это когда ты сознаешь Бога, и Бог сознает тебя, когда между Богом и человеком идет определенный диалог, т.е. диалог – это беседа двоих. А когда Атман тождественен Брахману, когда он соединяется с ним, то о каком сознании может идти речь? Это скорее напоминает то, как капля воды, падая в море, сливается с океаном. Где потом найдешь эту каплю воды? Она и океан – это одно целое, потому что эта капля и была взята из этого океана. Это любимый индийский образ для объяснения того феномена, о котором я веду речь. Итак, «Нет после смерти сознания», – объясняет Яджнавалке и после этого уходит в лес. Что из этого следует?

Следствие из этого колоссальное. Дело в том, что если человек есть лишь иллюзия, а единственная реальность – это Дух, тождественный божественному Духу, то перед человеком открываются несколько путей, и о них говорится в той же «Лесной Упанишаде» впервые в истории человечества. В этом тексте мы впервые узнаем о том, чем

сейчас живет Южная Азия и чем сейчас болеет наше Отечество. Это **теория переселения душ, теория перевоплощения**. Об этом, правда, рассказывается в ином диалоге, но в той же книге «Лесной Упанишаде».

О чем идет речь? Дело в том, что если человек есть лишь божественная сущность, то он может, отбросив все земное (все связи, все привязанности), соединиться с Брахманом. Брахман есть абсолютное, бестелесное и полное Божественное бытие.

Соответственно и человеку необходимо стать столь же абсолютным, столь же не привязанным ни к чему: ни телесно, ни душевно, и тогда он сможет с ним соединиться. Поэтому те, как говорится в этом втором тексте, кто чтут в лесу веру как сущее, те достигают соединения с Брахманом. А если не чтут, если они не знают этого, что тогда? А тогда они временно попадают в небесный мир, в этот “Парах параватах”, но он оказывается не вечным божественным бытием, а лишь некоторым таким “домом отдыха” для заслуживших честной работой хорошее пребывание на Небе, но лишь временно. Пройдут какие-то временные периоды; добрые дела, которыми завоевано Небо, исчерпаются, потому что все, что можно исчислить количественно, все это приходит к концу, и ты опять окажешься на этой земле, и жизнь будет повторяться вновь и вновь, до тех пор, пока ты не будешь чтить только Брахман. И ученик спрашивает: «А что же будет для тех, кто не делал ни того, ни другого? Такие же чудачки тоже есть». «Они, – говорит учитель, – возвратятся после смерти кусающимися тварями, гнусными насекомыми, всякими прочими животными».

И логика этого учения понятна. Если тело есть элемент личности человека, как верили древние египтяне, то тогда понятно, без тела человека нет. И если мы мечтаем о том, чтобы человек был в вечности, необходимо воскресение во плоти, это ясно. А если мы считаем, что тело лишь иллюзия, лишь помеха, привязывающая нас к иллюзорному бытию и страданию, то понятно, что надо отбросить тело. Но понятно также, что если ты при этом отбрасывании тела не достигаешь Абсолюта, тоходишь в новое тело, и все повторяется раз за разом. Эта идея, впервые появившаяся в Индии где-то около 12 в. до Р.Х., становится пленительной для всей Южно-Азиатской

цивилизации. Она оказывается не только частью религиозных идей, она становится, если угодно, частью естественных представлений Южной Азии. Какие бы религии не появлялись впредь в Южной Азии, они все будут нести на себе отпечаток этого убеждения в перерождение душ. И если для европейца переселение душ – это что-то симпатичное, если он – не христианин, потому что пожил один раз, потом можно пожить еще раз, то для индийца – это ужасно, потому что он-то прекрасно знает, что жизнь – это страдание. Мы тоже об этом знаем, но как-то до конца в это не верим и думаем, что жизнь у нас не очень получилась, ну, может быть, в следующий раз получится, а индиец твердо знает, что не получится. И поэтому, то, что мы называем учением о перерождении, индиец называет иначе – учением о возвращающейся смерти. Вы чувствуете, что оптимизма здесь намного меньше. И поэтому единственный выход – выйти за пределы этого безумного бессмысленного кольца. Для индийца в сущности ад – это не что-то там под землей находящееся, а сама эта жизнь. И надо избавиться от этого ада жизни, выйти из этого круга в вечность Брахмана.

На самом деле все не так просто. Дело в том, что реальный человеческий опыт говорил индийцу, что человеческий дух не хочет полностью исчезать в Божественном. Ему хочется сохранить какое-то личностное начало. Но тогда надо признать, что Атман – это не чистая божественная частица, что в ней есть какой-то элемент человеческого. Тогда нарушается чистота конструкции.

До настоящего времени в Индии существуют несколько индуистских школ. Одна из них говорит о том, что человек полностью растворяется в Брахмане и нет после смерти сознания. Наиболее четко и глубоко эта мысль высказана в так называемой школе “Адвайта-Веданта”, т.е. абсолютный монизм, абсолютное единство. Их точка зрения: есть Бог и больше ничего иного. Другая школа, которая именуется “Вшпишита-Адвайта” (не полный монизм, относительный монизм), говорит о том, что личность человека после смерти и существует, и не существует. И человек вечно пребывает в Боге, но не сливается с Ним полностью. Вторая традиция связана с идеей Божественной любви. В Индии это учение получает большое развитие, на санскрите это “Бхакти” – “Божественная любовь”. Суть

его заключается в том, что любовь делает из двух одно, но при этом каждый не перестает быть личностью. Муж с женой, если они любят друг друга, становятся одним целым, но при этом понятно, что это все-таки два человека, две личности. Вот так и человек с Богом. Их полная и бесконечная любовь человека к Богу делает его одним целым с Брахманом, но при этом личность сохраняется.

Сторонником второй точки зрения является очень интересный и глубокий индийский мистик Рамануджа, который жил в XII в. после Р.Х. Его последователями являются сотни и сотни тысяч современных индийцев. Сторонником первой точки зрения является другой индийский мистик, живший в VIII в. Это знаменитый Шанкара, последователи которого тоже очень распространены. Но вся эта индуистская мистика связана с одним вопросом. Дело в том, что когда мы чего-то желаем, мы соединяем себя с объектом желания. Но поскольку объект желания всегда иллюзорен, то мы не должны ничего желать, потому что если мы с чем-то себя соединяем, что на самом деле иллюзорно, то понятно, что мы себя не соединяем с Богом. Ну, скажем, когда человек желает, положим, богатства, он соединяет себя с богатством, а не с Богом, и поэтому Атман снова перерождается в этом мире, не соединяется с Брахманом. Когда человек желает спасения, бессмертия, "Парах Параватах", то он соединяет себя с небом, но временно, и опять оказывается на земле. И тут возникает самое страшное искушение. А когда человек себя соединяет с Брахманом, когда он ощущает, что "ты еси То", "та твам Аси", может быть, он тоже не достигает цели. «Как так?» - спросим мы. А вот как.

Индийские богословы были, так сказать, не лыком шиты и не лаптем щи хлебали, они, в общем-то, разбирались в таких вещах. Бог без образов, Брахман не имеет никакого образа. Когда даже мы называем имя, когда мы имеем какое-то наименование цели, мы всегда бьем мимо цели, если речь идет о Боге-Творце. И, соответственно, мы соединяем себя не с Брахманом, а с некоторыми иллюзиями нашего сознания. А что делать? И вот эта самая мысль поразила того человека, который явился основателем **буддизма**. Это североиндийский принц Сидхартха-Гаутама. Кстати говоря, и главными творцами Упанишад и основоположниками буддизма и других

религиозных течений Индии, появившихся где-то за 5 – 6 вв. до Р.Х., были в основном не священники, не брахманы, а люди из царского и воинского сословия, которые в этой системе триб обозначались именем “кшатрии” (от слова кшатра – “власть”). Именно эти люди, видимо, менее связанные ритуальными предписаниями и в то же время достаточно образованные, могли свободно искать истину. И вот, Сидхартха Гаутама ушел из дома, отказавшись от царского престола, бросив молодую жену и новорожденного ребенка, двадцати девяти лет. Он сначала уходит к учителю, который его учит упанишадическому знанию, когда Атман тождественен Брахману. Он учится у него несколько лет, но в итоге разочаровывается и уходит от него. Потом он вместе с несколькими монахами практикует крайнее умерщвление плоти. Если в первом случае надо было осознать тождество Атмана и Брахмана (это путь знаний), то во втором случае это был путь дела, путь действия. Надо было реально отказаться от всех желаний, практически не есть, не пить и полностью тело свое износить, чтобы освободить дух. Сидхартха Гаутама, конечно же, и тут был первым. Он был человеком ревностным. Но в итоге, потеряв как-то от голода сознание, он понял, что трудился зря, что этот путь не спасает. Тогда он удаляется от этих монахов, под их веселый смех, что он, мол, слабак, не выдержал, сломался, и после нескольких лет бродяжничества по дорогам Индии дает обет, что не сойдет с места до тех пор, пока не познает истину, даже если умрет.

И истина ему открывается. Но какая истина? Ему открывается истина, что нам вообще не надо стремиться ни к какой положительной цели, т.е. понятие Бога мы выносим за скобки, Он может существовать и может не существовать. Главное, что жизнь здесь – это страдание. И надо подумать не о том, куда уйти из жизни, а о том, как уйти из жизни. Для нас с вами этот вопрос кажется очень простым. Ну, если тебе так надоело жить, а вечность тебя не интересует, то возьми, застрелись, и дело с концом. Но для индийца это не такой простой выход. Ты застрелишься и снова переродишься, да еще в таком неприглядном виде, что потом тебе придется страдать в два раза больше. Самоубийство – не выход для любого человека южно-азиатской традиции, верующего и неверующего. А что же тогда делать? Как тогда быть? И вот тут-то появляется учение буддизма.

Сутью учения буддизма является приучение человека к тому, что ему не за что удержаться в жизни, что вся жизнь – это страдание, что вся жизнь – это совершенно нереальный поток, в котором совершенно бессмысленно пытаться утвердиться. Жизнь непостоянна, она постоянно разрушается, меняется, как калейдоскоп в детской трубочке. И наконец самое последнее и самое сложное для понимания неиндийца, это то, что нет души, нет души у человека и нет души у мира, т.е. то, что на языке раннего буддизма назвали называется “анатга” – бездушность. Человеку надо понять, что его как бы уже нет, есть лишь совокупность элементов. Так же как любят говорить буддисты: «Что такое колесница? Есть обод, есть дышло, есть спицы, а колесница – это просто набор этих элементов. Разберешь элементы – и нет колесницы, соберешь элементы – есть колесница». Соответственно, и человек – это набор элементов, ну, там называют 21 элемент или 13 элементов называют разные школы, это набор элементов, а человека нет; и только когда ты обманываешься и ошибочно думаешь, что ты есть, ты будешь снова перерождаться. А вот когда ты не обманываешься и понимаешь, осознаешь до глубины души, что тебя как бы и нет, то ты достигаешь угасания. Вот это угасание на санскрите называется – нирвана. Нирвана – это угасание. Означает ли, что Будда был атеистом? Нет! Будда – это слово означает «просветленный», это уважительное прозвище, а личное имя Сидхартха Гаутама. Означает ли это, что это учение есть атеизм? Нет.

Один раз с Буддой произошла следующая история. Один из его учеников, брахман по имени Малунке, подумал: «Почему это Будда не рассказывает нам о том, есть Бог или нет Бога, существует подвижник после смерти или не существует, вечен этот мир или не вечен? Не нравится мне все это, пойду и спрошу Учителя. Если он мне скажет, буду у него учиться, а если опять будет уваливать, уйду». И он направляется к Гаутаме как-то вечером и говорит ему: «Почему ты нам не рассказываешь об этих вопросах? Если скажешь, объяснишь, буду у тебя учиться, а если не объяснишь – не буду». И Будда говорит: «Слушай, Малунке, разве я тебе обещал рассказывать о том, вечен мир или не вечен?

-Нет, не обещал.

-Или, может быть, ты говорил, что будешь у меня учиться, если я тебе это расскажу самого начала?

- Нет, этого я не просил, это сейчас мне пришло в голову.

- А вот послушай – говорит Будда. – Представь себе, что какой-то человек ранен отравленной стрелой, вокруг него собрались друзья и родственники и говорят: «Сейчас мы позовем тебе врача», а этот человек отвечает: «Нет, подождите звать врача. Вы мне сначала скажите, какой человек поразил меня стрелой: он был черный, белый, желтый. Скажите, из чего он поразил меня отравленной стрелой: из лука или из самострела. Скажите, какой была стрела: с таким наконечником или с другим. Да и, скажите, какого врача вы хотите мне вызвать». Пока это все ему будут объяснять, он уже умрет от яда. Так же и я. Я могу вам все это рассказать, но вы все 100 раз умрете, пока я буду это рассказывать. Это не нужно, это излишне, это бесполезное знание. А что надо знать? Надо знать, что мир есть страдание, что жизнь есть страдание, что мир непостоянен, и надо знать, что есть путь прекращения страдания. Это тот путь, которому я вас учу. А знать: вечен ли мир или не вечен, есть Бог или нет Бога, это лишнее знание, оно только мешает вам выйти из мира.

Странная позиция для нас с вами. Но надо сказать, что на этой позиции строится одна из величайших восточных религий, которая по числу своих сторонников не многим меньше, чем христианство. Это буддизм. Буддизм, оказывается чисто отрицательной репликой индуизма, в которой не ставится положительной цели вообще, а ставится цель только отрицательная – ухода из мира. Это не значит, что положительной цели нет, просто о ней не следует думать, потому что любая мысль о положительной цели тебя соединяет с сущностями более низкими, чем эта цель. Таков Буддизм. И вот, в Индии верующие это в основном индуисты сейчас, а в странах окружающих Индию – буддисты.

И надо вам сказать, что христианская проповедь среди этих народов бесконечно затруднена. Не потому, что они не хотят принять, ну, там, убьют тебя, нет, ничего подобного: индуисты очень добродушные, в целом, люди и, как древние афиняне, с удовольствием говорят обо всем божественном, но при этом вы их никак не убедите, что Христос нужен. Вы говорите, что Христос пришел спасти. «Он же Спаситель

плоти», – говорит Апостол Павел. «А зачем же – говорят индийцы, – нам плоть спасать? От нее надо избавиться побыстрее, отбросить ее. Если мы будем спасать плоть, то мы соединимся с ней; зачем нам соединяться? Нам не нужно соединяться с плотью, нам не нужно соединяться с этим миром. Вы учите о грехопадении, в чем тут грехопадение? Человек вообще существует в иллюзии, и надо отбросить иллюзию и соединиться с реальностью». «Вы согласны, что реален один Бог?» – спрашивает индуист христианина. Христианин говорит: «Да, абсолютной реальностью является, конечно же, только Творец, потому, что творение уже вызвано Им, и эта реальность как бы вторичного порядка». «Ну, так зачем же нам останавливаться на реальности вторичного порядка, мы сразу пойдем к реальности первого порядка, пойдем непосредственно к Богу, к Творцу, к Брахману. Зачем нам все остальное?» – отвечает индуист. И диалог, как правило, прекращается. Вот почему-то так произошло в мире, и это тайна, которую на самом деле нелегко раскрыть: огромный континент, где живет большое количество людей, вовсе не страдающих от недостатка благочестия, мыслит спасение совсем не так. **Но есть еще и другая часть континента со своеобразной религией – это Дальний Восток.**

На Дальнем Востоке издревле существовало, сколь мы можем точно реконструировать, тоже представление о телесном воскресении умерших. В общем, когда-то, видимо, в III тысячелетии представления были одни и те же по всему миру. Но этот великий кризис, который прошел по миру во II и в начале I тысячелетия, на Дальнем Востоке отлился в учения, связанные с именами нескольких древних китайских мудрецов. Наиболее известные из них – это Конфуций и Лао-Цзы. Что послужило их основой?

Для религий западного мира, для религий Египта, Месопотамии характерна уникальность человеческой личности. Эта особенность человека никогда не ставилась под вопрос, как не ставился под вопрос и тот факт, что человек должен спастись, преодолеть смерть. Это было как-то само собой очевидно. Если в религии Южной Азии появилось представление о том, что человек должен освободиться, в конечном счете, от самого себя и от мира, то для Восточной Азии доминирующей идеей оказывается идея того, что весь мир является

отпечатком Абсолютного Божественного Бытия. Весь мир, по этим представлениям, является отпечатком Неба, или точнее, того, что выше Неба, а то, что находится выше Неба, именуется в китайской традиции Путь или Дао. Но это не тот путь, о котором сказал Спаситель: «Аз есмь истина, путь и жизнь», т.е. если ты идешь через Меня, ты спасешься. Это иной путь, это путь всех вещей – в этом смысле слова употребляется слово Дао. Дао – это путь всех вещей, т.е. то, что определяет пути всех вещей, то, что определяет само бытие. Для китайца, который, как вы знаете, до сих пор любит употреблять печати вместо подписи на личных бумагах, образ печати и отпечатка ясно соединяется с образом Творца и творения. Творение – это отпечаток Дао, отпечаток Творца. Но, естественно, опять же, мы имеем дело, конечно же, с

символическим образом, потому что Дао бестелесно, безвидно и отпечататься в виде елок, гор, морей не может. Дао – это определенный порядок, строй мира. Человек в этом порядке занимает свое место, и это отнюдь не главное место, человек – лишь один из элементов мира. Как сказал китайский мыслитель, последователь Лао-Цзы, Чжоан-Цзы: «Человек – не более кончика волоска на лошадиной шкуре», т.е. представление о человеке довольно скромное. Китаец вовсе не поет гимн человеку, как поет западная традиция, например, песня Гильгамеша, египетские гимны, я уже не говорю об иудаизме. Здесь же отношение к человеку очень скромное, но вот что важно: дело в том, что эта частичка – человек – имеет автономную волю. Вот это китайцы знают не хуже всех остальных: весь остальной мир, как отпечаток, так и остался, а человек свободен. Человек – это особая частица, а коли это свободная волевая частица, то она может находиться в этом отпечатке мира, а может выходить из него и ломать весь узор, и чем дальше выходит, тем больше ломает.

Все это было бы не так плохо, но то, что выходит из узора приводит к гибели самого человека, потому что божественный строй – это жизнь, это вечность, а выход из божественного строя – это гибель, это смерть. Понятно, человеку хочется остаться в строе мира. Как это сделать? И вот тут два главных учения предлагают два разных пути. Если угодно, это два метода. Они не враждебны друг другу. Они как бы равноуровневые. Здесь необходимо немного отвлечься и сказать, что китайцы социальные существа по своей природе в отличие от индийцев. Вообще, это на самом деле очень интересно. Посмотрите: за всю историю Индии в этой огромной и древней культуре, которая

все-таки довольно рано освоила письменность, нет ни единой цельной исторической хроники, только эпос – «Махабхарата» и «Рамаяна» или религиозные тексты, потом уже появляется секулярная или полусекулярная литература типа драм и т.д. Но историей индийцы не увлекаются. Вообще изучать историю этой иллюзии – какая глупость, зачем? Китаец же думает так: какая же это иллюзия – это отпечаток Божественного. Это бесконечно ценно для него, и поэтому китайский историограф регулярно с глубочайшей древности делает записи дат, событий и людей. Китайскую историю мы знаем по годам досконально, а индийскую знаем очень приблизительно, очень плохо. Китаец любит этот мир, любит его плоть: не потому, что она сама по себе хороша, как ее любят наши современные люди, а потому, что это отпечаток Божественного, отпечаток Дао. И поскольку китаец очень любит эту плоть и социален, то ему, естественно, очень часто совсем не хочется выходить из этого мира. А мир весь пошел вразнос, потому что его песчинки ведут себя совершенно безобразно. И что же предлагается?

Конфуций предлагает свое учение. Это учение о ритуале, учение о том, как в обществе восстановить правильный строй, как в обществе восстановить гармонию. Это, если угодно, **социально-политическая этика**, и наши современные исследователи (я имею в виду, не обязательно российских, а наших европейских исследователей) очень часто обманываются и говорят, что это чисто политическое учение. Ничего подобного. Конфуций говорит, что его целью было признание воли Неба. Он прямо пишет об этом в своем крупнейшем сочинении – это книга Лунь-Юй, которая тоже издана на русском языке. Самое главное – познать волю Неба и понять, как надо организовать общество. Он, бедный Конфуций, ходит от одного правителя к другому и пытается ему доказать, что надо следовать воле Неба, и тогда он готов, как хороший министр, все правильно организовать. Ну, естественно, все правители гонят его. Это понятно. После того, как он умирает, его учение просто запрещают, его последователей уничтожают, они становятся мучениками. Но проходит лет 200 – 300, и конфуцианское учение становится общепризнанным в Китае и является таковым до конца китайской нормальной государственности, которая прекратилась, как вы помните в 1949 году, когда коммунисты победили в Китае.

Итак, задача Конфуция – создать ритм социального мира, поэтому его две главные идеи – это идея ритуала, когда все должно быть очень четко по-китайски, это Ли. Ли – это ритуал, т.е. все должно быть четко организовано, все религиозные действия должны быть правильно выверены, а также отношения отдельных людей друг к другу. Все строится на 5 отношениях: родителей и детей, мужа и жены, царя и подданных, старших братьев и младших братьев, и, наконец, отношения друзей. Все эти отношения должны быть четко определены и построены по четким правилам, тогда в обществе будет главенствовать Дао. Но, чтобы общество не распалось, одновременно должно быть нечто соединяющее его, и это соединяющее образно именуется музыкой. Поэтому Конфуций любил говорить, что общество строится на музыке и ритуале: ритуал разделяет, музыка соединяет. Это, конечно же, не музыка в нашем понимании, а то, что мы называем музыкой сфер, т.е. это тот Божественный ритм, который в наиболее доступных для нас формах проявляется в совершенном звуке, т.е. в музыке, которая соединяет большие совокупности людей воедино.

Но подход конфуциан все же смущал многих китайцев. Многие прекрасно видели, что, как это общество не совершенствуй, оно совершенным не становится. И поэтому единственным способом они видели полный уход из мира, полный выход из него, чтобы соединиться с неповрежденной природой, с абсолютно совершенным Божественным миром там, где он еще сохранился. Такие люди становятся отшельниками, они уходят в глухие горы, леса, какие-то самые красивые уголки Поднебесной, чтобы там, сосредоточившись на единстве с Дао, достичь этой полноты. И китайцы уверены, что такие люди вообще не умирают, они становятся живыми бессмертными. Они настолько входят в этот ритм мира, что живут вечно, постепенно начинают питаться воздухом и небесной росой.

Соединение с этим прекрасным миром создает обычай любования неповрежденной природой. Это вы все прекрасно знаете, достаточно посмотреть на прекрасные китайские картины. Эти картины – не что иное, как иконы, это иконы Дао. Поскольку Дао не видел никто никогда, а природа – это его отпечаток, значит, смотря на отпечаток, мы восходим к самому первообразу. Таков принцип китайской иконы.

Поэтому, когда мы смотрим на прекрасные полотна каких-то современных китайских живописцев, мы должны помнить, что это религиозное изображение, а не просто изыск пейзажной живописи. Точно также японский сад камней, точно также средневековые китайские башни любования природой. В наиболее красивых местах строили специальные павильоны, куда люди поднимались, чтобы наслаждаться дивным окружающим пейзажем.

Особенно китайцы любили сочетание воды и гор, и это тоже не случайно. Конфуций считал, что идеалом человека должно быть человеколюбие, гуманизм, как не совсем удачно переводят это на русский язык. Это то, что по-китайски называется Жень - человек. Так вот, Конфуций говорит, что человеколюбивый (т.е. идеальный конфуцианец) любит горы, а совершенно мудрый (т.е. последователь Лао-Цзы, аскет) любит воду. Когда я это впервые встретил, я не понял, что это означает. Лишь через некоторое время я понял это и понял причину сочетания воды и гор на китайских картинах. Дело в том, что в китайской поэзии Дао, т.е. божественное бытие, часто связывается с океаном. Это море, это бесконечная вода. Почему? Потому что вода аморфна, вода не имеет формы, вода текуча и, тем не менее, вода - это жизнь, вода - это все.

В одном древнем китайском тексте говорится, что когда вода набегаёт на берег, она оставляет на нем песчаный след. Ну, помните, волны, отпечатки волн на берегу. Итак, мир подобен отпечатку Дао, как и песок на берегу: полоса этого песка подобна отпечатку волны. Так что же такое горы? Горы - это отпечаток Дао, это земная реальность, воспроизводящая Божественную, поэтому человеколюбивый - это тот, кто любит этот мир в лучшем смысле этого слова, тот, кто любит социальную гармонию мира, тот любит горы, а тот, кто любит само Дао, тот любит воду. В этом раскрытие этого красивого образа.

Итак, для китайской традиции, что характерно? Вера в бессмертие, глубокая убежденность в том, что бессмертие может быть телесным, но может быть без воскресения, но оно телесно; вера в то, что этот мир не иллюзия, а бесценная реальность, бесценное Божественное творение, и в то же время очень малоуважительное отношение к человеку. Человек - это только кончик волоска на лошадиной шкуре

мира. Хотя он имеет особую свободную волю, он не есть мерило всех вещей, которым является человек для Запада и которым являлся Божественный Дух для религий.

Мы видим три религиозных видения, которые к моменту пришествия Спасителя застыли в своей различности.

Одно говорило о воскресении, говорило о том, что человек телесно воскреснет и о том, что мир создан для человека. В одном древнем египетском тексте прямо говорится об этом. Там дано поучение царю, которое было написано в эпоху первого переходного периода, т. е. в эпоху этой революционной смуты. В нем отец-царь учит своего сына: «Заботься о людях – пастве Бога. Для них создал Он небо и землю, для них поразил Он животное, обитающее в водах, для них создал Он царя», т.е. все создано для людей, и для них существует царь, а не люди для царя.

С другой стороны, Южная Азия, где этот мир отбрасывается, как ненужный, и в человеке, в сущности, вычленяется только его богоподобие, но зато дается надежда на полное слияние с Богом.

И третий вариант – китайский вариант, где глубже, чем где-либо переживается благо творения самого по себе и благо творения, не зависящее от человека. Эта точка зрения такова: не для человека создан мир, он сам по себе создан и прекрасен сам по себе; только ты его, человек, не порти, а войди с ним в один ритм, и тогда ты спасешься, а мир и без тебя существует прекрасно, и ты ему только мешаешь своим своеволием. Эти три видения как бы создают ту стереосистему, в которой раздаётся проповедь Христа. Но об этом мы будем говорить с вами завтра, а сейчас я с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Вопрос: Как вы лично обрели веру? Знаете ли вы санскрит? Читали ли вы «Брахма Самхиту»?

Ответ : Так, что я вам могу сказать? Ну, во-первых, ответим на то, что проще. Санскрит я не знаю, т.е. я его не изучал специально и читаю я в основном в переводах, хотя этимологические изыскания приходится проводить постоянно. Теперь, что касается «Брахма Самхиты». «Брахма Самхиту» я не читал.

Теперь, что касается первого вопроса. Я обрел веру лет двадцати пяти от роду после того, как я долго, в общем-то, искал ее. Я родился в семье нерелигиозной и, пожалуй, какую-то религиозность, впрочем, очень далекую от настоящего христианства, мне могла передать только моя няня, в некотором роде Арина Родиовна. Однако вера, религиозные ощущения были со мной, ну, буквально, с самого начала. Я помню, как я ребенком ужасался идее своей конечности, своей смертности так, что спать не мог по ночам. Мне было страшно оттого, что меня не будет. Как это может быть? Вот все это будет: мир будет, солнце будет, а меня не будет. Потом, где-то, когда мне было лет 8 или 9, я с некоторым ужасом переживал идею адских мук. Ну, опять же, через мою няню мне передано было это знание. А потом я получил от своей пожилой тетушки ее Новый Завет на русском языке, который ей подарили, когда она еще училась в Петербурге в одной из хороших гимназий до революции. Она его передала мне. Я его храню до сих пор. Тогда я начал его читать и (мне было тогда лет 12 - 14) мало что понял, хотя там все совершенно понятно, как теперь кажется, но текст был закрыт для меня. Но я выучил почему-то на русском языке на память молитву "Отче наш" и взял за правило ее читать вечером в кровати, не имея при этом никакой глубокой религиозной интенции. Я это делал какое-то время, и потом лет в 16, наверное, прекратил. Но я вот сейчас в глубине души чувствую, что это имело большое значение для моей жизни.

А потом прошло много самых разных событий, и когда мне было около 25 лет, одним прекрасным вечером... Я к тому времени был кандидатом наук, гуманитарием, специалистом по современной истории Востока. В то время я имел некоторый материальный достаток и жил по тогдашним советским условиям совсем неплохо, ни в чем не испытывал большой нужды и даже малой какой-то потребности. Жил хорошо. Я, в общем-то, так получилось, был рожден в достаточно привилегированной семье высшего московского чиновничества, поэтому во многом не испытывал недостатков. И вот в какой-то момент, имея жену, дочь, квартиру, кандидатскую диссертацию - все, в общем, что можно было и желать для жизни, я сбесился с жиру, т.е. я вдруг понял, что все это абсолютно не нужно, что это все ничто. **Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?** Более того, я по-настоящему увлекся наукой и с

удовольствием работал, как научный исследователь (мне было страшно интересно работать, я писал тогда вторую свою книгу). И вдруг я ясно понял, что в книге (не по цензурным соображениям, хотя и по ним тоже, но самое главное потому, что вообще очень много в душе есть невыразимого) я выражу себя процентов на 5-10, а все остальное я не скажу ни жене, ни другу, ни в книге - никому, как и каждый, наверное, из вас. Это все умрет вместе со мной и уйдет в небытие. Так зачем все это? И потом, я также понял, что есть некоторое нравственное измерение жизни, что безнравственная жизнь - это плохо, но почему плохо? Если и праведник, и грешник, если нравственный и безнравственный равно уходят в пустоту, в небытие, то не все ли равно, как жить? Вот эти три мысли в какой-то момент меня озарили, и хотя это мысли элементарные, они заставили меня чисто умозрительно, чисто философски понять, что **если нет цели жизни, вынесенной за пределы этой жизни, то тогда у жизни вообще нет цели.** Кроме того, я понял одну простую вещь. Ненадолго отвлечемся, Я поясню это примером. Каждый, наверное, из нас живет совокупностью частных целей: скажем, сегодня мы ставим себе задачу пойти в кино, мы ставим задачу написать книгу, мы ставим задачу разбогатеть, мы ставим задачу скопить денег и поехать на юг отдохнуть и тысячу других задач, больших и маленьких. Но **если все эти задачи реализуются только после того, как подготовка к ним исполнена, то когда реализуется вся жизнь?**

Получается, что совокупность частных задач ведет в никуда. Такого быть просто не может. И я ясно тогда понял, что должна быть некая абсолютная цель, вынесенная за пределы этой жизни, цель, для которой вся эта жизнь является подготовкой, так же как накопление денег является подготовкой для поездки на юг летом. А коль так, то у этой цели нашей жизни должен быть какой-то оценочный смысл - почему? Ну, если все здесь плохое или хорошее кончается смертью, то должно быть нечто такое, где хорошее и плохое, наконец, себя как бы реализует, себя проявляет, следовательно, есть нечто реализующее между добром и злом, и, следовательно, есть то, что люди называют Богом. Вот с этими чисто философскими идеями я весной был послан в колхоз на сельскохозяйственные работы. Как все премудро бывает в этой жизни! Дело в том, что туда, естественно,

поехала целая группа людей из моего института востоковедения, но я, как большой сибарит, почел возможным денек сэкономить и поехал на день позже других. И когда я вошел в комнату, где должен был жить, то увидел некоего достойного господина моих нынешних лет, который в рабочее время сидел на койке и читал псалмы Давида. Это был один из крупнейших наших индологов: человек, который сделал полный адекватный перевод на русский язык и опубликовал его в известной книге “Бхагавад-Гита” в традиции научной критики”; человек, который в это время работал над переводом Рамануджи на «Бхагаваду Пурану». Это был Всеволод Сергеевич Семенцов, который с этого времени стал моим ближайшим другом, глубоко верующий христианин и в то же время один из умнейших и интеллектуальнейших людей России конца 70-х годов, к сожалению, безвременно ушедший в лучший мир. Этот человек, в общем-то, стал беседовать со мной, и в результате бесед, споров, как-то очень быстро, я понял то, что я расскажу вам на следующей лекции – уникальность смысла христианского пути. Ну, а дальше все пошло по наезженной дороге: духовник, церковь, катакомбные наши встречи, молитвы, венчание при закрытых дверях. Я развелся, жена меня бросила после этого, поэтому был через некоторое время следующий брак, венчание при закрытых дверях церкви, изгнание из института за религиозные убеждения, но все это было потом. Начало, как всегда, было очень хорошим... Ну, простите, был такой вопрос, я так не стал бы рассказывать о себе.

Вопрос: Очень интересные лекции, спасибо. Есть ли у вас печатные работы на эти темы?

Ответ: Я вам могу сказать так. Вообще-то основной моей научной темой являлась долгое время не история религий. Историей религий я занялся в 1988 году вплотную, как профессиональным делом, когда мне уже в начале перестройки предложили читать курс по истории религий в Московской Духовной Академии. До этого я занимался скорее теорией власти в восточной философии и восточных религиозных системах. Это касалось, конечно, и религиоведения, но как бы одним боком. Я этими вопросами продолжаю заниматься до сих пор. Что касается истории религий, то я за это время написал несколько научных статей. Из них более или менее популярными, т.

е. теми, которые может прочесть, не соскучившись, человек, не искушенный в этой области, являются следующие. Это “Эсхатологическая уникальность христианства”, которая была написана и опубликована в журнале “Континент”. Я не помню точно номер, но если мне не изменяет память, она вышла в 1994 году в одном из 4-х номеров “Континента”, я не помню точно в каком. Вторая статья является тоже достаточно доступной, это «Победа над последним врагом», т.е. над смертью. Эта статья вышла в первом номере “Богословского вестника” – нового журнала, который стал издаваться, как орган Московской Духовной Академии, по-моему, в 1993 году. Но он, по-моему, зачих на втором номере. Потом в таком весьма специфическом журнале, как “Московский психотерапевтический журнал” (но на самом деле, там собралась такая хорошая компания) вышла моя статья “Апология смерти”, по-моему, это тоже в 1994 году первый номер. Но вас ни в малой степени не должно огорчать, что статей мало, поскольку я сейчас работаю над фундаментальной работой “История религий” и свой курс лекций решил превратить вот в такое многотомное издание. Первый том “Религии доисторические и внеисторические” уже сдан в печать, это где-то около 20 печатных листов. Над вторым томом “Религии Древнего Переднего Востока”, я работаю в настоящее время, и если вы будете молиться, чтобы я не умер в ближайшее время, то я надеюсь работу довести до конца. Сейчас я ее считаю работой своей жизни. Если я сделаю ее, то буду считать, что социальный смысл моего существования на земле исполнен. Ну, не знаю, если буду жив, может быть, еще что-нибудь напишу. Это большая и нелегкая работа, если учесть, что довольно много лекций и научной работы в других сферах, и статей, и публицистики и всего прочего. Кроме того, мне сейчас предложили издать в серии “Лики творчества” мои статьи, разбросанные в разных журналах, и я хочу это сделать, так что, может быть, в ближайшем будущем, может быть, через год, появится том статей вашего покорного слуги. Это то, что касается публикаций. Что касается христианства, я ведь не являюсь специалистом в области христианства. Я являюсь специалистом, как раз по нехристианским религиям, т.е. мой курс “История религии”, который я читаю в духовных учебных заведениях, это все кроме христианства, потому что христианство читают специально. Понимаете меня, да?

Вот, но, конечно же, в этих вопросах, я постоянно касаюсь и христианства, т. е., христианство и другие религии – вот принцип, по которому строятся основные мои работы.

Вопрос: Почему Православие называет религию Египта и Индии языческими?

Ответ: О, что касается язычества, это вообще интересная тема. На самом деле большинство из нас почему-то думает, что язычество – это политеизм, т.е. многобожие. Однако это совершенно неверно. Если вы посмотрите греческий текст Нового Завета, то увидите, что когда говорят о язычнике или язычниках, то по-гречески это звучит “та этли” – “этли”, т. е. народы. Языческая религия – это религия народов, племен, а не религия интернациональная, если угодно, не христианство и не религия Ветхозаветного Израиля, которая являлась как бы началом будущей религии вселенской. Религия языческая – это не богословское определение, не особенность богословия какого-то язычества, **языческая религия – это религия народа, в отличие от религии интернациональной, которой является христианство.** В этом смысле, кстати говоря, христианство в ни малой степени ни является русской национальной религией. Когда говорят: “Мы христиане или православные, потому что мы русские”, то это глубочайшая, если угодно, даже догматическая ошибка, потому что мы тогда христианство делаем языческой религией, мы делаем его религией нашего русского народа. Ничего подобного. Национальной религией Руси является русский поганизм, русское язычество, которое существовало до Владимира и какое-то время после этого оставалось. В христианстве же, как вы помните: “Нет ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни римлянина, ни раба, ни свободного, но все одно – во Христе”. Христианство интернационально, оно обращается к тому, что поверх национального, а индуизм – это религия индийцев. Наши братья-кришнаиты, которые являются русскими людьми, становятся последователями Свами Брапхупады – основателя кришнаизма, они принимают Агни Повиду, т. е. они становятся индуистами, индийцами, через посвящение. И в этом смысле индуизм есть язычество, но не потому, что он учит многобожию, а потому что оно есть религия индийца.

Буддизм язычеством не является вообще ни с какой точки зрения. И когда его называют язычеством, это просто ошибка. Буддизм, точно такая же религия, как христианство, это формально интернациональная религия. И Будда ее создавал, как религию всех народов.

Что касается Египетской религии, то понятно, что это язычество, потому что это религия египетского народа. Но язычество и многобожие – это совершенно разные вещи. Должен вам сказать, я, к сожалению, обо всем говорить не могу, чтобы вообще понять многобожие как религию, как веру во многих богов, среди которых нет единого Бога-Творца, которому все остальные боги или подчинены, как служебные духи или являются Его энергией, таких религий просто нет. Есть религии, где верят в многочисленных духов и Бога-Творца задвигают подальше в угол, и о Нем почти забывают. Да, такие религии есть. Это религии современных неписьменных народов. Вот, наши самоеды, ненцы, адыгей, ульчи, орочи, готтентоты, аборигены Австралии, индейцы Северной и Южной Америки, если они не обратились в христианство, являются в этом смысле демонистами, т.е. они живут в мире духов, забыв о Боге-Творце, хотя в глубине души помнят, что Такой есть, но Он давно устал, отошел от дел мира и ими не занимается. А религии народов, где верят в Бога-Творца и молятся Ему, это всегда религии, в конечном счете, монотеистические, потому что всегда есть единый Бог-Творец и у жителей Месопотамии, и у египтян, и у индийцев. А что касается буддизма, я уже вам сказал, там проблема более сложная.

^ Лекция 3

Итак, наступила наша последняя с вами лекция. К сожалению, поскольку тема, как вы сами чувствуете, безбрежная. Ну, что поделаешь. Все начатое во времени, во времени должно и закончиться. Мы закончили предыдущую лекцию рассказом о трех типах религиозной культуры, о трех решениях главного вопроса,

который всегда стоял перед человеком – вопроса вечности над смертью, победы над отчужденностью и разделенностью человеческой. Вы помните, что Дальний Восток, Южная Азия и западная часть мира различно решили эти вопросы. Очень коротко напомним вам, что для Дальнего Востока было характерно восприятие всего мироздания, всего Космоса, как отпечатка Божественного творения. Все являлось Божественным, и человек должен был войти в этот Божественный мир, стать его гармоничной частью, войти в строй и ритм мира. При этом особое место и значение человека не подчеркивалось, но человек достигал бессмертия, целостности и единства через свою гармонизацию с миром, сотворенным Богом. Южная Азия, напротив, отбрасывала этот мир, как иллюзию, как некую искусственную, если угодно, модель, которая была сотворена Богом только для одного: чтобы дух человеческий мог вернуться к своему Создателю. В отличие от Дальнего Востока Южная Азия открыла человечеству великую истину полного слияния Человека и Бога: восстановление не просто единства, но слияние Бога и человека таким образом, что человеческий дух, как капля, должен раствориться в океане Божественного бытия, но при этом человек терял свою человечность, свою личность. После смерти, как вы помните, не было сознания. С другой стороны, этот мир также весь отбрасывался, как ненужное. И тело человека, и внешний мир рассматривались, если угодно, как некий ракетоноситель, который должен был вывести ракету на орбиту, а потом он может быть отброшен и сгореть за ненадобностью.

И, наконец, западная часть человечества рассматривала этот мир, как ценность, и человека, как хозяина, как царя этого мира. Она видела, что человек свободно выбирает между добром и злом; она учила, что человек должен был воскреснуть, победить смерть, и искала посредников между Богом и человеком в этом великом акте победы над смертью и возвращении человека к Богу. Этим посредником чаще всего для древнего Западного мира являлся божественный правитель, божественный царь. Вот три этих позиции, три хода, в которых зафиксировалось человечество. И при этом ни одна из этих частей мира не несла в себе полноты, они жили фактически ожиданием. И вот в этом мире, полном ожидания истины, появляется один странно возникший народ, который несет в себе как

бы особую, совершенно уникальную миссию, которую не может понять ни сам этот народ до конца, ни тем более народы его окружающие. Речь идет, как вы понимаете, о народе еврейском.

Как он возник? Во-первых, само слово еврей восходит к слову «хапиру» - «перешедший поток, перешедший реку». Так называли в Месопотамии беглецов - тех, кто решил не жить в этом стабильном мире Месопотамской цивилизации между Тигром и Евфратом, но решил перейти за р. Евфрат. Как правило, уходили за Евфрат, в западную пустыню, спасаясь: кто от царского гнева, кто, желая стать разбойником, кто, убегая от рабства, кто по каким-то иным причинам.

Если вспомнить Библию, то вы знаете, что Авраам сделал именно этот выбор: он ушел за реку, но не потому, что бежал от гнева царя и не потому, что хотел там легкой наживы - он следовал голосу Бога. В чем был смысл этого призыва? Смысл этого призыва был в полном послушании. Нам, современным людям, довольно легко перемещающимся на огромные расстояния, меняющим место жительства, сложно порой понять, что значил родной дом для человека древности. Но древний человек только и чувствовал себя уверенно среди своих сограждан, в своем городе, среди своих близких, среди родственников. И вдруг человеку говорится: “Выйди от рода своего, выйди из города своего и пойдешь в землю, которую Я укажу тебе”. Даже для того чтобы просто услышать этот голос, чтобы воспринять его серьезно, человеку нужна была глубокая вера, глубокая убежденность в том, что Бог может говорить с человеком.

Авраам был гражданином Ура Халдейского, одного из тех древнейших городов мира, которые известны еще археологии доисторической. Безусловно, он был воспитан в благочестии своего города и своей страны. И именно эта традиционная культура позволила ему серьезно воспринять голос Бога и пойти этим путем. Я не буду вам пересказывать Ветхий Завет, тем более, что вы все его, конечно же, в той или иной степени знаете. Это не моя задача. Но с точки зрения многообразия религий, очень важно задать вопрос: в чем же была миссия Израиля, какую же истину нес Израиль? Ну, не будем забывать, что Авраам, выйдя из Ура Халдейского, еще несколько раз выдержал самые тяжелые испытания, которые давал ему Бог, вплоть до испытания, когда, по слову Божию, его

единственный ребенок, сын, рожденный им в старости, должен был быть его руками принесен в жертву. И опять же, для нас это является вообще чем-то невероятным, но ведь для Авраама это была вообще довольно нормальная вещь. Вокруг жили народы, которые приносили в жертву своих первенцев Богу. Авраам, конечно, был удивлен, что от него потребовали такой жертвы. Он считал, что это варварство, дикий обычай, но в то же время этот обычай существовал, и он был готов и здесь подчиниться Богу, но вы знаете, что Бог не принял жертвы Исаака и заменил его овном, как, кстати говоря, издревле практиковалось в Месопотамии. В Месопотамии была с глубочайшей древности принята заместительная жертва вместо человека. Человек как бы вместо того, чтобы самого себя убить, принести жертву Богу, приносил в жертву вместо себя овна. И в текстах Месопотамии осталась такая формула: «Его грудь – за мою грудь, его плечи – за мои плечи, его голова – за мою голову».

Итак, путем целого ряда испытаний Авраам явил себя верным Богу, и от него происходит народ, который получает название народа еврейского и народа избранного.

В чем же избрание и в чем смысл существования еврейского народа? Мы сейчас, живя в мире информации, иногда считаем, что смыслом любого действия является несение какой-то информации, что израильский народ нес какое-то особое знание, которого не было у других народов. Вот, что касается классической традиции современного иудаизма, то они так и говорят, что среди огромного количества народов, не знавших Бога, Израиль единственный хранил истину монотеизма, истину единобожия. Но когда мы сейчас занимаемся другими народами и религиями Египта, Месопотамии, окружающих их народов, то видим, что знание единого Бога-Творца было свойственно многим. Не в этом значит дело. А в чем?

Оказывается, что вообще не в знании. Все знания были. Ну, не всеми, конечно, они разделялись, не все их имели, но понимание истины хранилось у многих народов. Все дело в том, что не было самого главного – не было абсолютной покорности Богу. Оказывается, что главная точка, в которой, собственно говоря, испытывается человек, это не точка знания, а точка твоего личного сердечного отношения с Богом. Почему? Да потому, что вся катастрофа произошла не из-за

того, что первый человек чего-то не знал. Адам знал все значительно лучше, чем мы, потому что он был сотворен Богом по Своему образу и подобию. Не в знании дело. Адам ослушался Бога.

Нам надо поговорить о том понимании грехопадения, которое существует в Библии и отблесками, отзвуками которого являются предания очень многих народов.

Все вы знаете – одни серьезно и углубленно, другие, к сожалению, в полушуточной форме – этот на самом деле бесконечно трагический рассказ о грехопадении Адама. Что же произошло? Человек был сотворен по образу и подобию Божию и был поселен в Божественном великолепном мире – в мире, где все было совершенно, в мире, где Адам был царем. Откуда мы это можем знать? Бог приводит всех животных к Адаму, все существа приводятся под руку Адама, и он им всем дает имена. А вы помните, что имя – это знание вещи. Когда мы знаем истинное имя, то мы знаем саму суть вещи. Значит, Адам был сделан хозяином всего мира, его царем.

Адаму было сказано плодиться и размножаться, ему была дана жена одной природы с ним. А дальше произошло **испытание свободой**. Тот образ и подобие Божие, который был дан Адаму, как я уже вам говорил, это отнюдь не образ внешнего подобия – у Бога нет видимого образа, Бог не имеет лица, Он без образов, и это прекрасно знали древние. И когда говорили, что Адам имеет образ Божий, это значит, что он имел некоторую подобность Богу, а внутренняя подобность Богу – это свобода, то удивительное качество свободы, которое есть у Бога и которое было дано человеку.

Сейчас слово свобода заезжено, и мы его воспринимаем иногда в самых различных смыслах: от свободы политической до свободы от самых элементарных нравственных норм. Но сущность свободы в ином. Сущность свободы – это возможность выбора, возможность выбора между добром и злом, и этот выбор производит каждый из нас много раз на дню, правда, к сожалению, это далеко не всегда замечает. Сколько раз мы все сталкиваемся с проблемой: одно хочу, а другое хорошо. Иногда мы делаем то, что хотим, хотя знаем, что это плохо, а иногда мы делаем то, что надо, хотя знаем, что это неприятно. В одном индийском тексте сказано так на этот счет:

“Одно дело хорошее, другое дело приятное. **Мудрый выбирает хорошее, глупец выбирает приятное**”. Очень точные слова. Это одна из младших Упанишад.

Итак, перед Адамом должен был стать этот выбор. Коль у него была свобода, эта свобода должна была испытываться. Какой смысл в свободе, когда человек не имеет возможности выбора? И Бог-Творец Адама дает ему возможность сделать выбор. Он разрешает или, как любит говорить Церковь, попускает выбор. В чем же разрешение выбора? Дело в том, что хотя об этом не говорится в Библии прямо, но вся христианская традиция и традиция вообще человеческая с глубочайших времен, начиная, наверное, с доистории, прекрасно знает, что кроме людей, в мире существуют многочисленные духи. Нет народа, который не верил бы в существование духов: от австралийских аборигенов до самых высокоумных греков и римлян. Платон рассказывает о демоне, т.е. о духе, и об ангеле-хранителе, и какие-нибудь самые наивные ненцы или ульчи вам расскажут о мире духов, в котором они живут.

В том, что духи окружают человека, стал сомневаться только современный человек, который потерял способность ощущать реальность духовных невидимых природ. Для человечества это никогда не было проблемой. Духи были естественны для человека, и окружение духами было также естественно, как естественно окружение горами, птицами и лесами. Но дело в том, что в отличие от птиц и зверей и подобно человеку, духи имеют свободу. Они тоже могут выбирать, и еще до создания человека часть духов выбрала путь отступления от Бога. Подробностей мы не знаем, и все традиции мира всегда передают эти подробности и объяснения мифически, т.е. они рассказывают определенные предания, которым не надо верить дословно, но в них, как в сказке, ложь, да в ней намек. Вот этот намек есть. Мы не всегда его, правда, можем понять. Но и как бы там ни было, духи уже разделились на тех, кто с Богом, и тех, кто отступил от него. Тех духов, кто остался с Богом, мы называем ангелами. Почему? Ангел – это по-гречески посланник. Соответственно, ангелы – это те, кто выполняют волю Бога, кого Бог посылает к людям.

Итак, Адаму дается искушение. Некий дух, может быть, какой-то высший дух, трудно сказать, тот, кто сопротивляется Богу, тот, кто

является противником Бога, **допущен** до того, чтобы предложить Адаму выбор. Он спрашивает жену Адама: «Точно ли Бог разрешил вам есть от всякого дерева?». «От всякого разрешил, но есть древо познания добра и зла, плоды которого Бог сказал не есть нам, потому что в тот день, когда мы съедем плод с этого дерева, мы смертию умрем», – отвечает ему Ева. О яблоках ли или о других плодах печется Бог и заботится злой дух? Нет, конечно. Гастрономические интересы равно чужды обеим сторонам. Речь идет о другом. Перед нами символическая картина, которая просто дается в наглядной для простого человека форме. Когда мы говорим плод, мы ведь всегда имеем в виду не только реальное яблоко, виноград или грушу, мы говорим – плод наших дел, как цель, как смысл, как результат, как венец дела. Когда мы говорим о вкушении плода, мы предполагаем соединение. Помните, мистика пищи, о чем я говорил вам на прошлых лекциях, соединения в нечто единое с тем, что мы познаем. Итак, плод познания добра и зла – это есть нечто иное, как само познание добра и зла, вкушая этот плод, мы познаем добро и зло. Но что значит познание добра и зла? Иногда даже говорят, что вот какой был злой Бог, он не хотел, чтобы люди знали; какая ценность – все знать, а Он не хотел, чтобы люди знали. Но мы забываем, что знание есть двух родов. Есть **знание-информация** – безобидное знание. Например, вы можете знать, сколько автобусов останавливается на остановке вот около этого дома. Ничего оттого, что вы это будете знать, не изменит вас, кроме того, что вы не опоздаете на очередной автобус, что само по себе хорошо. Но есть **знание-соединение**, соединение в одно целое. Это то самое познание, в результате которого объект познания и познающий становятся одним целым. Именно об этом втором познании идет речь в рассказе о грехопадении.

Человек соединяется с добром и злом. Что это значит? В сущности, с добром Адам был соединен с самого начала, с момента своего сотворения, потому что единственным добром является сам Бог: Он – Абсолютное Благо. Но он не был соединен со злом. Что такое зло? Зло не есть нечто иное равноценное добру. **Зло есть просто отсутствие добра.** Это надо очень хорошо понять: речь идет не о том, что зло и добро ведут бой друг с другом на равных. **Нет никакой борьбы между добром и злом. Есть только наш выбор между добром и**

отсутствием добра. Когда мы выбираем отсутствие добра, мы уходим потихонечку в пустоту, в небытие, мы уничтожаем свою реальность, потому что наша реальность, созданная Богом, есть реальность существования как бы лицом к лицу с Богом. Когда мы отворачиваемся от Бога, мы как бы исчезаем, мы просто перестаем быть, и в той степени, в какой мы отворачиваемся от Бога, мы погружаемся в пустоту, в небытие. Это небытие может быть различно. Скажем, наша собственная страна прошла этот страшный опыт, когда по мере потери веры происходило опустошение даже внешних форм жизни, даже социальных форм жизни, природных форм жизни. Мы губили мир вокруг себя. В других странах эти процессы могут происходить иначе, внешний строй жизни может сохраняться, а внутренне человек может опустошаться, но всегда отход от добра, от Бога и от блага ведет к опустошению, потому что заменить это нечем. Нечем заменить человеку поиск и обретение истины, бессмертия, вечной жизни. Разве смертью заменишь жизнь? Разве злом заменишь добро? Нет, конечно. Это неадекватная замена.

Итак, Адаму предлагается выбор между тем, чтобы быть с Богом или не быть с Богом. Злой дух не обманывает, он говорит абсолютную правду. «Нет, – говорит он, – ты не погибнешь, но ты станешь таким, как боги, знающие добро и зло». Боги – это они. Не Бог – единый Бог-Творец, а множество духовных существ, которые есть по всему миру. Во многих традициях и народах их называют богами. Так их называют в Сирии, Египте, так их иногда называют даже в Писании. Скажем, апостол Павел пишет, что много есть так называемых богов на небе и на земле, но у нас есть один Бог – Бог-Творец, создавший все. Итак, дух не лукавит: вы будете, как мы, вы будете соединены и с добром, и со злом. И поддавшись на это, человек соглашается познать зло, соединиться со злом. Он послушался Бога не потому, что Бог, как жестокий деспот (знаете, так иногда воспитывают волю ребенка) выкладывает перед ним яблоко и говорит: «Только вот это яблоко ты не ешь». Нет, совсем не это. Бог просто понимал, что человек будет выбирать между добром и злом, и предупредил, что соединение со злом губит. Но это не такая гибель, к которой мы привыкли, т.е. к гибели внешней, а гибель внутренняя. Внешне ты останешься, но внутренне ты уже будешь пуст. Так же как отход от Бога не привел к тому, что мы все исчезли, но наша страна внутренне опустошилась.

Итак, результатом непослушания Богу стал грех, и он потом переходит из поколения в поколение. То зло, то опустошение, то отвержение от Бога, которое произошло, должно было быть компенсировано. Как? И вот здесь – главная проблема, которая позволяет нам понять основные пути современных религий Запада. Дело в том, что мы умозрительно можем себе представить несколько выходов в решении этой проблемы. Ну, во-первых, вы видите, что Дальний Восток и Южная Азия просто оставили проблему грехопадения. Они забыли о ней, они отодвинули ее. Нет этой проблемы. Без нее будем решать проблему спасения. Но решать проблему спасения без обращения к акту грехопадения – это, значит, расстаться или с надеждой на воссоединение человека с Богом, как Китай, или расстаться с надеждой на воскресение тела и мира, как Индия. Запад не идет на эти жертвы, и перед человеком возникает как бы несколько путей.

Первый из них таков. Человеческая природа глубоко повреждена грехом. Грех в ней транслируется из поколения в поколение. Его исправить мы сами не можем, потому что мы рождаемся с ним. Мы не можем себя вытащить за волосы из болота. Необходимо, чтобы пришел Спаситель, некое существо, которое свободно от этого бремени греха Адамова, но которое при этом вполне человек. Как может такое существо появиться? Все божественные цари, все божественные правители, которых именовали сотэрами, спасителями, все они были обычными эмпирическими людьми. Грех был в них, и даже если люди верили, что они соединяют в себе Божественную и человеческую природу, они всегда в себе соединяли божественную природу с природой падшего человека, с природой сына Адама, и это совершенно ясно видно из истории Египта, истории Месопотамии, что человек-царь, он все равно грешное существо. Разве в нем есть что-то божественное. А иного не дано. И вот, как раз миссия Израиля была не в том, что он донес бы до нас какое-то новое знание, но миссия Израиля была в том, что он открывал возможность появления такого существа – существа, которое будет вполне человеком и при этом будет в отличие от всех остальных людей свободно от греха Адама. Как это может быть?

Для этого мы на минуту должны себе представить самую обычную и

банальную вещь. Как появляется, как зачинается человек. Речь, конечно, в данном случае идет не о физиологии, а о том, что происходит соединение мужского и женского начал, причем во всех традициях мира передатчиком родовых качеств является мужское семя. Женщина – это всегда та почва, та природа, то естество, в которое падает семя, и все зависит от того, какова почва и каково семя, но зависит по-разному. Возьмем примеры из области сельского хозяйства. Какая бы ни была почва, если вы посеете ячмень, то и взойдет или не взойдет ячмень; пшеница в данном случае никогда не взойдет. На хорошей почве будет хороший урожай, на плохой почве – плохой урожай, на камнях вообще ничего не будет, но всегда взойдет то, что вы посеяли; никогда не взойдет ничего другого. Таким образом, родовая особенность передается через семя, а проявление этой родовой особенности передается через природу женщины, через землю. Только соединение этих двух элементов дает жизнь. Один элемент сам по себе жизни не даст. В этом великая тайна соединения полов.

Но все дело в том, что человеческая природа может соединиться только с родовой особенностью человека, потому что от отца всегда будет транслироваться семя, испорченное адамовым грехом. И как бы не были чисты и благочестивы родители, все равно грех Адама, передающийся от отцов к детям, доходит до них. Конечно, уровень чистоты и нечистоты различен: у праведных родителей рождаются более достойные дети, другое дело, что они тоже свободны пасть, делать какие-то глупости, но, тем не менее, залог лучшего и залог худшего родители всегда дают. Когда мы слышим слова Библии (а на самом деле это то, в чем не сомневается никто во всем религиозном человечестве), что Бог наказывает грешника до третьего и четвертого рода и милует праведника до тысячи родов, мы не должны возмущаться. Это нормально. Ведь никто же не возмущается тем, что у родителей-алкоголиков рождается ребенок с врожденными дефектами. Ребенок, конечно, ни в чем не виноват, но родовая некачественность передается ему. Поэтому родовое преемство всегда тянет за собой самое первое, изначальное – адамов грех. Итак, чтобы появилось безгрешное существо, семени мужа не должно быть, а в то же время природа и качественность человека должны быть. Поэтому единственной возможностью появления такого Спасителя, который

бы исправил человеческую природу, не имея в себе самого адамового греха, может быть непорочное зачатие. Не потому необходимо непорочное зачатие, что порочное зачатие плохо само по себе, но оно неизбежно несет в себе передачу дела Адама, а здесь ему должна быть поставлена плотина. Поэтому, с одной стороны, это должно было быть соединение человеческой природы с Божественной волей и силой, а с другой стороны, это должно было быть совершенно добровольное соединение. Человек свободен. Нельзя ничего механически сделать с ним. Человек должен совершенно добровольно сказать: «Да, я согласен» или «Нет, я не согласен». И эта драма добровольного согласия, которая удивительным образом (вообще в мире все зеркально) напоминает первоначальное добровольное несогласие Адама, совершается в сионской горнице, когда вся история Израильского народа, как острие иглы, сходится в одной девушке, которая как бы в противоположность своей древней прабабке – Еве должна сказать, что она согласна. Она может отказаться, она совершенно свободна, и она делает совершенно свободный выбор в том, что она согласна подчиниться воле Божией. Хотя чисто житейски совершившееся для нее – катастрофа, потому что чисто житейски это будет означать только одно: что она зачнет без мужа, и весь Израиль будет считать ее прелюбодейкой при женихе. У этого могут быть самые страшные последствия. Вы помните, что обрученный с нею Иосиф, будучи человеком праведным, не хочет обличить Марию, чтобы ее побили камнями, но хочет тайно ее отпустить. Но кто знает, как поступит Иосиф?! Это страшный выбор. Она идет на него абсолютно спокойно, потому что верит в волю Божию и в милость Божию до конца.

Итак, если мы посмотрим на всю двухтысячелетнюю историю Израильского народа от призвания Авраамова до того момента, который называется Благовещением и который был спасительным выбором для всего человечества, то увидим, что эти два тысячелетия – это подготовка к этому моменту. Каждый из нас знает, что в его жизни бывают какие-то минуты, часы и дни, которыми определяется вся дальнейшая жизнь. Иногда только раз в жизни совершается настоящий выбор. Посмотрите на ту же историю Ветхого Завета: мы видим царя или пророка не на протяжении всей его жизни – с рождения до смерти, а видим один сгусток его жизни, когда он

определяет себя. Например, в жизни царя Давида есть несколько моментов, которые определяют его дальнейшую судьбу: момент выбора, когда он с Богом, и момент, когда он отходит от Бога, соблазвившись женой своего генерала – Урии Хеттеянина, после чего вся жизнь Давида идет вразнос: он лишается царства, подданных, сына, он гоним, он оскорблен. Как одно действие, один акт, один выбор может изменить все, и ведь так бывает у каждого из нас. Я знаю те моменты своей жизни, которые определяли ее дальнейшее течение на десятилетия. Я уверен, что каждый из вас, если внимательно посмотрит на собственную жизнь, тоже найдет эти минуты. И вот, эта минута настала для всего Израильского народа, а если говорить шире, для всего человечества.

Для того-то и был призван Авраам из Ура Халдейского, для того-то он и испытывался жертвоприношением Исаака, для того и призывался Израильский народ в Египет, для того страдал он под пятой фараонов, для того он был выведен Моисеем в пустыню и сорок лет скитался по ней, для того судили судьи и для того правили цари и пророчествовали пророки, чтобы одна шестнадцатилетняя девушка в Сионской горнице сказала всего несколько слов: «Се, раба Господня. Да будет мне по слову Твоему». И отошел от нее Ангел».

Итак, свершилось: произошло воплощение богочеловеческого существа. Бог стал человеком. Это так невероятно, что я, пользуясь обычным инструментарием логики, которым привык пользоваться, ничего не смогу объяснить. Другое дело, что я как ученый, человек, выросший в системе дискурсивной логики, понимаю, что иначе было нельзя. Но как это произошло, каков был механизм этого таинственного соединения двух природ: Божественной и человеческой – объяснить невозможно. Знаю только одно: как формулировал Четвертый Вселенский Собор в Халкидоне, что две эти природы: Божественная и человеческая – соединились нераздельно и неслиянно. Они стали одним целым, и в то же время каждая из них была особой природой, и ни одна не поглотила другую. Также знаю (это было сформулировано на Первом Вселенском Соборе в Никее): то Божественное, что воплотилось и вочеловечилось в Деве Марии и что мы после Иоанна Богослова называем Словом Божиим (иногда не совсем понимая, что обозначает это понятие), – Эта сущность

единосущна Творцу и Отцу всяческих, единосущна Тому запредельному и абсолютному Богу, которого искали, начиная с палеолита, все народы Земли. Эта сущность едина с Ним. Она такая, как Он.

Почему нам это так важно? Иногда кажется, что сухая область догматики никак не связана с нашей живой верой. Э, нет, очень даже связана! Дело в том, что цель воплощения и вочеловечения была в том, чтобы нас исправить, уничтожить последствия греха и соединить нас с Богом вновь. Это подобно тому, как если бы вы обратились к царю и попросили однокомнатную квартиру, а вам бы дали особняк. Такого сейчас не бывает, потому что давно нет царей, но в принципе царь всегда должен дать больше, чем у него попросят, иначе стыдно обращаться с просьбой. Нам тоже дан дар больший, чем мы просили и больше чем мы искали.

Итак, надо было исправить нашу природу. Бог должен был стать человеком, потому что иначе наша природа не была бы исправлена, а поскольку наша природа была испорчена, это могла быть только смерть трагическая.

Лекции прочитаны в столице Урала г. Екатеринбурге летом 2001 г.